ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (3048) Четверг, 12 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Новые имена

Не так уж много дней, как будто, прошло с начала нового года! А присмотришься внимательно к тому, что происходит вокруг, задумаешься, срывая очередной листок календаря, над тем, что сделано за неделю или за месяц, — и видишь, какие перемены — и все к лучшему! — совершаются на наших глазах в жизни всей страны. А судьба страны неразрывно связана с судьбами советских людей.

Люди как будто те же и дела у них те же, а вдруг оказывается, что и человек и его дело приобрели совсем недавно какие-то новые качества, которые нельзя не заметить, о которых нельзя не говорить. И в глазах нашего общества человек сегодня уже не тот, что был вчера, и его имя произносится с особенным уважением. Не имущественное и служебное положение, не национальное происхождение, не пол, а личные способности и труд человека определяют его положение в советском обществе. «...Трудовой человек,— говорит И. В. Сталин,— чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать,— он герой труда, он овеян славой».

Широчайшие перспективы для творческой деятельности наших людей открыли директивы XIX съезда Коммунистической партии по пятому пятилетнему плану. «Наша промышленность, — сказал в отчетном докладе Г. М. Маленков, — располагает всеми возможностями для выполнения предстоящих задач. Теперь все отрасли промышленности оснащены более совершенной техникой, имеют квалифицированные кадры рабочих и инженерно-технических работников, предприятия не испытывают недостатка в сырье и материалах. Дело теперь в том, чтобы полностью использовать эти возможности, решительно устранить недостатки в работе, вскрывать неиспользованные резервы в производстве и превращать их в могучий источник подъема народного хозяйства».

Резервы для повышения производительности труда у нас находят и там, где они казались исчерпанными. Люди, добивавшиеся в прошлом году высокой производительности труда, в этом году работают еще лучше. Это можно увидеть во всех областях народного хозяйства. Вот несколько примеров.

Знатные сталевары «Запорожстали» С. Якименко, С. Мартынов и А. Небылицын выплавили в прошлом году в своей печи на 26 тысяч тонн стали больше, чем в 1951 году, а ныне, выявив новые, еще не использованные резервы, стараются перекрыть прошлогодние успехи и дать в 1953 году стали больше, чем в минувшем, еще на 15 тысяч тонн.

Прокатчики рельсо-балочного цеха Днепропетровского металлургического завода З. Клименко, В. Куканов, Ф. Цымбал, В. Трикозенко начали соревнование за скоростной прокат металла.

Бригада знатного проходчика шахты «Западная-Капитальная» Николая Абраменко добыла за три недели января на 400 тонн угля больше, чем за такое же время в начале прошлого года, и взяла на себя обязательство удвоить производительность.

Буровой мастер Мутагар Нургалеев выступил инициатором соревнования за форсированный режим бурения нефтяных скважин; в январе он уже выполнял задание на 175 процентов.

Вчера всей стране стало известно имя старшего конструктора Молотовского телефонного завода Ю. Соболева, рассказавшего на страницах «Правды» о творческой работе конструкторов и технологов этого завода, внедривших так называемую безотходную и малоотходную штамповку деталей. Этот метод открыл новые возможности для использования производственных резервов и сократил расход металла.

Как эти стахановцы, так и многие другие, проявившие себя в начале нового года, были и ранее известны как передовики производства. Но сегодня их имена овеяны славой зачинателей соревнования за быстрейшее выполнение задач пятой сталинской пятилетки. Причем не может не броситься в глаза свойственная каждому из них важная и характерная черта новаторов наших дней. Это — стремление найти все не использованные еще резервы в технике, в организации производства.

Высокий подъем социалистического соревнования во всех областях народного хозяйства выдвигает из народа все новых передовиков, людей ищущих, талантливых.

«Почему соцсоревнование приняло массовый характер? Потому, — указывает товарищ Сталин, — что среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников и инженеров, ломать существующие нормы, как устаревшие, вводить новые, более современные нормы и т. п.».

Трудовые будни страны показывают, какое огромное значение для дальнейшего развития нашего народного хозяйства имеет повышение культурно - технического уровня рабочих до уровня инженерно-технического персонала. Этот процесс происходит на наших глазах.

Слава пришла недавно к куйбышевскому токарю Василию Колесову. В середине декабря он прилетел на самолете в Москву для того, чтобы выступить на Ученом совете Института машиноведения Академии наук СССР с сообщением о новом методе силового резания металла, разработанном им и его друзьями по заводу. А сейчас, пожалуй, нет такого токаря в стране, который не слышал бы о Колесове и его методе, нет ученого и специалиста, который не задумался бы над тем новым, что вносит стахановская поправка в теорию резания металла. В январе Колесов получил сотни писем рабочих, инженеров и ученых, коллективов крупных машиностроительных предприятий и эмтээсовских ремонтных мастерских. Василию Колесову приходится встречать в своем цехе немало гостей и тут же за станком обучать их своему искусству.

А ведь и это стремительное развертывание событий в жизни Колесова и в судьбе его метода также не пришло вдруг. Всенародной славе предшествовал годы кропотливого новаторского труда и непрерывного повышения уровня технических знаний, упорных творческих поисков, неожиданных находок и горестных неудач, столкновений с консерваторами и техническими невеждами, борьбы с косностью и рутиной. Как и всегда у нас в стране, — новое победило. Но в эти дни успеха новатора мы все же не можем не пожалеть, что эта победа не пришла раньше, что есть у нас равнодушные люди с ленивой мыслью и холодным сердцем, затрудняющие движение вперед. И думается, что неплохо было бы, если бы в ярком свете давно заслуженной славы новатора удалось получше разглядеть, в частности, в Министерстве станкостроения СССР, тех равнодушных людей, которые упорно не замечали этого важного и перспективного явления в технике и лишь после энергичного вмешательства общественности заинтересовались им.

Конечно, все примечательное, передовое, достойное всеобщего внимания не появляется внезапно. Даже тогда, когда человек прославил себя каким-либо подвигом, мужественным, самоотверженным поступком, мы знаем, что этому предшествовала большая работа человека над собой, большая работа коллектива, в котором он живет и трудится, над воспитанием тех моральных и деловых качеств, которые его прославили. А воспитание этих качеств происходит прежде всего в труде.

Когда до нас доходит весть, что в неистовые январские штормы на Каспийском море бригада бурильщиков морских скважин во главе с Багратом Саркисовым выполнила месячное задание за тринадцать дней, что порывы ветра при этом затрудняли спуск и подъем труб, а волны захлестывали мостки буровых вышек, мы видим в этом подвиге не только мужество, но и отличное мастерство, всестороннее овладение техникой своего дела.

Те же прекрасные человеческие качества восхищали и москвичей, наблюдавших в середине января за работой отважного верхолаза — двадцатитрехлетней электросварщицы Александры Пушковой, скреплявшей металлический каркас 32-го этажа строящейся гостиницы на Дорогомиловской набережной. Вверху, на обледеневших конструкциях была лютая стужа, ничем не сдерживаемый верховой ветер, головокружительная пропасть под ногами. А яркие голубые вспышки электросварки показывали, что Александра Пушкова настойчиво и уверенно делает свое дело. Это был подвиг, но не случайный, а закономерный. Длина шва сваренных ею на этом здании конструкций — полтора километра. До этого она была верхолазом на строительстве высотного здания на Смоленской площади, и поэтому вполне естественна та смелая уверенность в работе, которая заставляет восхищаться ею.

Баграт Саркисов и Александра Пушкова хорошо были известны и раньше своим товарищам по коллективу, но теперь пришла к ним более громкая слава — испытания, выдержанные ими в январе, еще глубже раскрыли их моральный облик, их деловые качества, они как бы вышли за узкие рамки своей профессии и предстали перед нами, как люди большой воли, самоотверженной преданности общему делу.

Неисчерпаемы родники талантов советского народа. Непреодолима сила стахановского движения. Все новые и новые люди, воспитанные партией коммунистов, поднимаются к высотам творчества, становятся вожаками, зачинателями больших, важных дел. Их имена народ окружает почетом. И таких славных имен с каждым днем у нас становится все больше. Великая цель пробуждает у наших людей и великую энергию. Этим и замечательны дни нашей жизни.

ЗАВОЕВАНИЕ ВЫСОТЫ

Высотные здания, на наших глазах поднявшиеся над Москвой,—событие громадной важности в истории советской архитектуры. Эти здания, воздвигнутые по мысли и инициативе И. В. Сталина, — новое явление в мировой архитектурной практике. Принцип развития сооружения в высоту осуществлен здесь на совершенно иных основах, нежели в известных высотных зданиях капиталистического мира — так называемых «небоскребах». И по своему композиционному строению, по силуэту и пропорциям, и по месту, занимаемому ими в городе, высотные здания Москвы — новаторские произведения архитектурного творчества. Сооружение этих зданий — закономерное продолжение громадной работы по осуществлению сталинского плана реконструкции столицы.

Высотные здания утверждают **новый мощный архитектурный масштаб Москвы,** как мирового города, как великой столицы великого государства. Москва и до реконструкции была одним из крупнейших городов мира по размерам территории и по числу жителей. Но в этом громадном и древнем городе, с его стройными колокольнями и прекрасными башнями, все же преобладали малые архитектурные величины: узкие и кривые улицы и переулки, низкорослые дома.

Реконструкция Москвы наделила город новыми архитектурными масштабами. Улицы Москвы перестали быть кривыми и тесными, родились широкие проспекты-магистрали. Жилые кварталы застраиваются домами-массивами. Высоко перекинулись через реку новые мосты, соответствующие новым масштабам московских набережных.

Новый этап в архитектурном развитии Москвы наступил в годы послевоенной сталинской пятилетки. В 1947 году, в юбилейные дни 800-летия столицы, товарищ Сталин назвал Москву «знаменосцем новой советской эпохи». В эти дни в Москве были заложены восемь высотных зданий.

В необычайно короткие сроки проекты этих сложных сооружений облеклись в плоть и кровь — в металл, бетон, камень, кирпич, керамику, в тысячи деталей архитектуры и внутреннего оборудования. И вот уже Москву нельзя представить себе без возвышающихся над нею в различных точках города домов-гигантов.

Русская архитектура создала исключительный по силе и выразительности силуэт старой Москвы. «Город чудный, город древний» изумлял сказочной панорамой: среди массы низких строений выделялись высотные сооружения, которыми на протяжении веков Москва отмечала знаменательные вехи своего исторического пути. Всенародная идея единства и независимости Руси дала жизнь величественным памятникам XVI—XVII столетий — храму в Коломенском, башням Кремля, Ивану Великому, башнеобразным колокольням и многоярусным церквам. Композиция этих зданий — выдающийся вклад русских зодчих в мировую архитектуру. Могучий, кристально четкий шатер Коломенского храма; стройный столп Ивана Великого; шатровые верхи кремлевских башен; растущие вверх многогранники колоколен XVII века; соединение нескольких башен в одну высотную группу в соборе Василия Блаженного — таковы основные типы руских высотных композиций, созданные неистощимым творчеством народа-зодчего.

Это наследие по-новому оживает в советской архитектуре. Формируя силуэт социалистической столицы, советские высотные здания развивают на новой основе и в новых масштабах классический принцип архитектурного ансамбля Москвы.

Характерной особенностью композиции высотных зданий является их четкое ритмическое построение — рост отдельных ярусов вверх и к центру. Этот прием, наделяющий огромные массивы камня движением, позволяет гармонически расчленить колоссальные объемы здания и устранить таким образом ощущение давящей тяжести гигантских архитектурных масс. В центральной высотной части Университета, в домах на Смоленской площади и на Котельнической набережной (если говорить только о первых высотных сооружениях) осуществляется свободный рост здания по вертикали — от наиболее массивных нижних объемов ко все более легким верхним, и по горизонтали — от боковых корпусов к центру. Глаз легко переходит от одной части к другой, легко охватывает весь огромный объем сооружения.

Мощный взлет центрального корпуса дома на Смоленской площади подготовлен и поддержан нарастающими к центру боковыми частями. Высотный блок университета вырастает из громадных по протяженности и объему корпусов: высотная часть здесь является логическим завершением всей обширной пространственной композиции. В доме на Котельнической набережной мы точно так же видим построение архитектурного организма не только вверх, но и вширь и вглубь.

Благодаря этой особенности высотные здания, вздымаясь над городом, в то же время крепко связаны с землей, со своим городским окружением и природой. Высотные здания прочно связаны со всем сложным архитектурным обликом Москвы.

Этой связи способствует и такая архитектурная деталь, как островерхие увенчания высотных домов. Шатровые «верхи» и граненые шпили — традиционный мотив русского зодчества, черта народного вкуса, прошедшая через века. Именно многоярусные шатры, надстроенные на кремлевских башнях в конце XVII века, придали Кремлю его облик сказочно прекрасного «града» русских песен и былин, характер национального архитектурного ансамбля, в котором образно запечатлелось значение Москвы, как собирательницы русской земли.

* * *

Творчески продолжая большую линию русского классического зодчества, архитектура московских высотных зданий коренным образом отличается от всех высотных композиций прошлого. Эти сооружения—детища сталинских пятилеток—всем своим образным строем говорят о великой новизне нашего времени, о могучей созидательной силе эпохи социализма.

Осуществить высотные здания новой Москвы можно было только на основе самой передовой индустриальной техники. В последние десятилетия прошлого века применение стального каркаса позволило резко повысить прежний «потолок» строительства и перейти к возведению зданий, насчитывающих десятки этажей. Казалось, что перед архитектурой открылись новые горизонты, неведомые в прошлом. Но архитектура эпохи империализма, лишенная большой идеи, подчиненная корыстным интересам капиталиста-предпринимателя, внутренне опустошенная, оказалась неспособной композиционно-творчески использовать возможности железа, стали, железобетона. Построенная в 1887—1889 годах инженером Гюставом Эйфелем в Париже башня 300-метровой высоты была только обнаженным металлическим скелетом. Вслед за этим в Америке начали воздвигаться высотные здания, получившие наименование «небоскребов». В этой кличке, лишенной красоты, и удивительно быстро привившейся почти на всех языках мира, был выражен — часто даже бессознательно — протест против тех форм, какие приняло высотное строительство в Америке. В архитектуре американских небоскребов резко запечатлелись уродливые диспропорции и противоречия капиталистического города. Подчиненные лишь одной задаче — погоне за максимальной прибылью и рекламой — небоскребы демонстрируют лишь чисто внешний количественный эффект громадных каменных массивов, давящих человека. Их архитектурный облик откровенно игнорирует какое бы то ни было эстетическое восприятие, заменяя его «рекордами» числа этажей и оконных проемов. Скопления небоскребов на тесных участках образуют вместо улиц полутемные ущелья, до крайности усугубляют хаос и бессмыслицу в застройке города.

Понятие «американский небоскреб» стало синонимом глубокого упадка архитектурного и градостроительного искусства. Лишенные гармонических пропорций, небоскребы обнажили резкий разрыв между зданием и человеком, между отдельным сооружением и городом. Громады небоскребов Манхэттена или Чикаго сделались символом порабощения человека бездушной машиной бизнеса. «Эти колоссы,— писал о небоскребах их соотечественник Льюис Мемфорд,— подавляют крошечных людей, торопливо снующих в их тени, и лишают их последней капли человеческого достоинства».

Архитектура высотных зданий Москвы исходит из принципов, диаметрально противоположных. Высотные здания воздвигнуты в Москве в точках, наиболее благоприятных для самих зданий и для города. Они не затесняют собой жилых кварталов, не отнимают у них света и воздуха. Окруженные пространствами площадей, перекликаясь друг с другом на больших дистанциях, высотные здания служат всему городу, формируют его новую панораму. Мажорный, жизнеутверждающий образ возникает в легком и уверенном взлете гигантских архитектурных объемов, в сочетаниях корпусов разной высоты, в светлом колорите облицовок. Высотные здания являются опорой для новых архитектурных ансамблей.

Высотные здания рассчитаны на близкие и отдаленные точки обозрения, на множество перспектив. В этих зданиях не может быть одного «лицевого» фасада: лицо здания определяется всем его объемом, всеми четырьмя сторонами. Эта «всефасадность» здания, учитывающая далекие точки его восприятия, может вступить в художественное противоречие с фронтальным построением композиции, рассчитанным на обозрение вблизи. Задача архитектора — преодолеть это противоречие. Законы больших величин и больших дистанций требуют обновления привычных архитектурных приемов. Так, целый ряд деталей, пластически обогащающих фасад обычного городского дома, попросту неприменим в высотном здании: они здесь вовсе не воспринимаются, не «работают» и, следовательно, должны быть заменены другими пластическими средствами, способными воздействовать в новых условиях, в новых масштабах.

Эти и многие другие вопросы архитектурного мастерства по-разному решены в различных зданиях их авторами. Есть решения более удачные и менее совершенные, но несомненно одно: советская архитектура выполнила поставленное перед нею сложное творческое задание — создала высотные сооружения глубоко оригинальные, увязанные с исторически сложившейся архитектурой города и не повторяющие никаких зарубежных образцов. Несмотря на свои громадные абсолютные размеры, московские высотные здания не подавляют человеческого восприятия, а порождают чувство гордости и подъема. Это достигнуто всем композиционным и образным строем архитектуры: гармоническими членениями, легким и уверенным ростом объемов, радостным, торжественным ритмом пропорций и деталей.

* * *

Архитектура буржуазного модернизма провозгласила в свое время формулу: техника — вот носитель современного лиризма. В этой формуле получили свое выражение неверие в художественные возможности современной архитектуры, капитуляция архитектора перед новейшей техникой. Сооружения конструктивизма — безрадостные комбинации из бетонных и стеклянных объемов и плоскостей — были воплощением глубокого упадка и опустошенности искусства. Советская архитектура в своих лучших произведениях утверждает неразрывное единство искусства и техники, художественной и технической мысли. Высотные здания Москвы с новой силой говорят о возрождении и развитии великого искусства архитектуры в Советской стране. Эти здания, как и другие выдающиеся сооружения советского зодчества, — убедительный ответ апологетам буржуазного декаданса, предрекающим конец архитектуры, «растворение» ее в индустриальной технике.

Высотные здания Москвы — новый тип сооружений большого города — говорят и о другом важнейшем положении: о прогрессе и всестороннем развитии города в условиях социализма, о непрерывном расцвете города и городской культуры при переходе к коммунизму. «Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города...». Эти слова из гениальной работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» указывают архитектуре путь ее нового творческого подъема.

Своей гордой красотой и своим техническим совершенством высотные здания возвещают о чудесном преобразовании древнего города, о славе сталинской Москвы, о ее прекрасном настоящем и сияющем будущем.

Д. АРКИН,
член-корреспондент Академии архитектуры СССР

Международные отклики

ПЛАНЫ НОВЫХ АВАНТЮР

События последнего времени показывают, что американские империалисты усиленно готовятся к новым военным авантюрам на Дальнем Востоке, к расширению агрессивной войны против корейского народа. Об этом, в частности, свидетельствуют, как пишет корейская газета «Нодон синмун», участившиеся поездки американских генералов в Южную Корею.

Известно, что 23 января Пентагон уволил в отставку с поста командующего американскими агрессивными войсками в Корее генерала Ван Флита, который не сумел выполнить требования правящих кругов США и добиться каких-либо побед. На его место назначен заместитель начальника штаба американской армии генерал-лейтенант Тэйлор. Он прибыл в Южную Корею вслед за начальником штаба американской армии Коллинсом, приезжавшим в Сеул совместно с генералом Кларком. Кроме того, в Южную Корею прибыли начальник транспортной службы американской армии генерал-майор Хикки и заместитель командующего американской 3-й армией генерал-майор Кэнгау.

Цель этих посещений Южной Кореи американскими генералами станет ясной, указывает газета «Нодон синмун», если обратиться к заявлению американского агентства Ассошиэйтед Пресс, которое передавало: «...все более подтверждается предположение, что этой весной будет предпринято наступление войск ООН» (так именует интервенционистские войска империалистическая пресса).

Судя по сообщениям агентств Франс Пресс и Юнайтед Пресс из Вашингтона, план нового наступления сводится к следующему: 1) предпринять операцию на суше и море, а также нападение парашютно-десантных частей с воздуха на тыловые районы Северной Кореи, прорвать нынешнюю линию фронта и образовать новый фронт вдоль 40-й параллели; 2) дополнить эти операции нападением с моря, суши и воздуха на Китайскую Народную Республику, блокировать ее с моря, засылать чанкайшистских шпионов и диверсантов в тыловые районы страны.

Авантюристическое «новое наступление», пишет газета «Нодон синмун», американские агрессоры намерены осуществить, используя дешевое пушечное мясо. Именно для этого янки проводят сейчас поголовную мобилизацию южнокорейского населения в лисынмановскую армию. Помимо того, американские империалисты рассчитывают использовать в качестве пушечного мяса японских самураев, а также чанкайшистских бандитов, находящихся на острове Тайвань. В начале февраля на Тайвань прибыли генералы Коллинс и Тэйлор, которые посетили Чан Кай-ши.

То, что американские империалисты готовятся к комбинированному наступлению на Северную Корею с суши и моря, подтверждается не только заменой Ван Флита и назначением на пост командующего американской 8-й армией Тэйлора, который в годы второй мировой войны командовал одной из парашютно-десантных дивизий США. Это видно прежде всего из того, что в портовые базы Южной Кореи усиленно стягиваются десантные части, ведется подготовка парашютно-десантных частей.

Однако, указывает газета «Нодон синмун», сама американская печать считает бесперспективным такое «двустороннее наступление». «Нодон синмун» ссылается на военного обозревателя газеты «Вашингтон пост», который, как сообщает газета, пишет, что, во-первых, накопление необходимых сил для такого наступления потребует по крайней мере девять месяцев; во-вторых, наступление может обойтись в пятьдесят тысяч убитых и раненых и даже больше. В худшем случае при таком наступлении, замечает военный обозреватель «Вашингтон пост», существует опасность уничтожения всех до последнего человека.

Оценивая подозрительную возню американских поджигателей войны, направленную на расширение войны в Корее и во всей Азии, газета «Нодон синмун» пишет, что корейский народ спокойно следит за маневрами агрессора и не боится новых наступлений, когда бы американские интервенты их ни предприняли. Чем шире будет новое наступление, тем большее поражение ждет интервентов.

ЛИТЕРАТОР

АНТОЛОГИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛМА-АТА. (**Наш корр.**). Президиум Союза советских писателей Казахстана приступил к подготовке издания антологии казахской письменной и устной литературы. Она выйдет в двух томах. В первый из них будут включены лучшие поэтические произведения и образцы устного народного творчества, во второй — избранная проза.

Антология будет издана на русском языке.

Книги из 48 стран

Ежегодные выставки литературы, получаемой по международному книгообмену, стали традицией Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР. В начале февраля в Москве открылась третья такая выставка. На ней экспонированы издания, полученные из 48 стран мира.

Разделы выставки свидетельствуют о большом разнообразии литературы, полученной в течение минувшего года из стран народной демократии и от прогрессивных научных кругов капиталистических стран, хотя на стендах размещено не более сотой части полученных изданий.

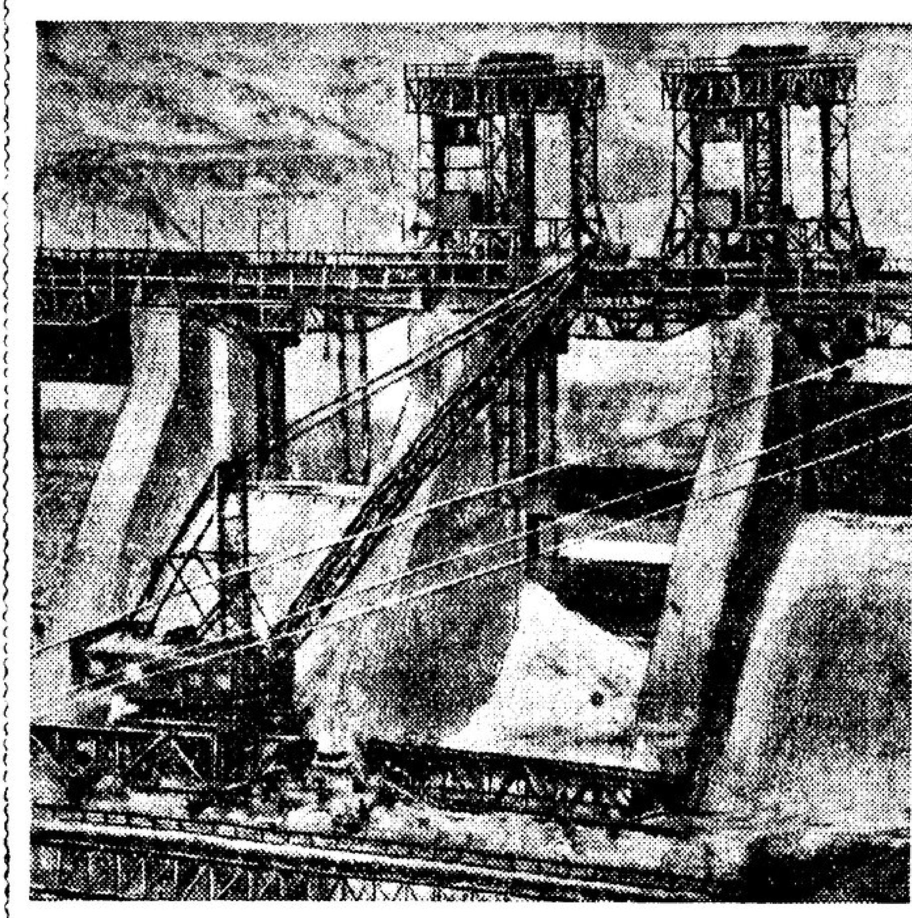
В разделе «Классики марксизма-ленинизма и литература о них» внимание посетителей привлекает фотокопия статьи К. Маркса о Первом интернационале, опубликованной в августе 1878 года в журнале «Секюлер Кроникл»; она получена из лондонского Дома Маркса. Здесь же представлены отдельные труды В. И. Ленина, изданные в Китае и других странах, первый и пятый томы Сочинений И. В. Сталина, выпускаемых в Италии, «Вопросы ленинизма» на французском языке и многие другие издания трудов классиков марксизма-ленинизма, вышедшие за последний год в зарубежных странах.

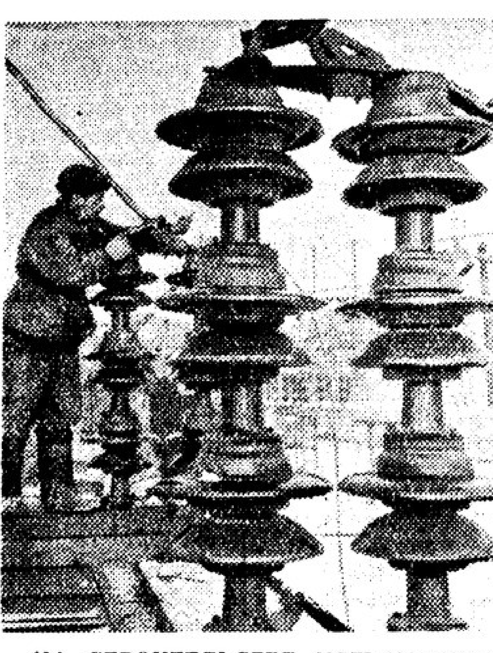
Особый раздел посвящен зарубежным изданиям нового гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В разделе показаны издания, выпущенные в Китае, Германской Демократической Республике, Польше, Чехословакии, Венгрии, Франции, Италии, Греции, Финляндии и других странах.

Специальный стенд занимают материалы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, опубликованные в странах народной демократии. Волнующие документальные материалы, полученные из различных стран мира, представлены в разделе «Борьба за мир».

Много на выставке художественной литературы. Выставлен сборник «Наш Маяковский», напечатанный в Праге. В сборнике— переводы отдельных произведений лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи, статьи и воспоминания о нем. Представлены великолепные издания произведений Юлиуса Фучика, изданные в Чехословакии, книги Дин Лин и других китайских прозаиков и поэтов, художественные произведения писателей Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики и других стран.

За минувший год Фундаментальная библиотека по общественным наукам получила из различных стран мира 12 тысяч книг и около 15 тысяч номеров журналов. В обмен на них отправлено свыше 40 тысяч изданий. К настоящему времени Академия наук СССР установила через свою библиотеку в Ленинграде и Фундаментальную библиотеку по общественным наукам в Москве книгообмен примерно с двумя тысячами различных иностранных научных учреждений семидесяти стран.

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ. На снимках: 1. Часть водосливной плотины. 2. На открытой подстанции. 3. Будущие эксплуатационники ГЭС заканчивают приемку готовых узлов станции. Дежурный инженер В. Пономарев и начальник смены электроцеха Г. Голубчик консультируются у главного инженера эксплуатации ГЭС Б. Дубровского.

Фото В. ВДОВЕНКО

ПОЕЗДКА В БАРАБУ

Владимир МАТОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

На востоке от Иртыша сибирский железнодорожный путь пересекает открытую обширную, простирающуюся до Оби низменность. Вид ее поражает однообразием. На протяжении сотен километров — ни одного холма, оврага, мало-мальски заметной возвышенности; только редкие березовые перелески — «колки». Путь проложен без выемок, насыпи встречаются там, где полотно дороги пересекает заболоченные пространства — «займища». На много километров простираются заросли камыша или торчат высокие тумбообразные болотные кочки. Час за часом бежит поезд по безбрежной равнине, а картина не меняется...

«Бараба...», — наскучив однообразным пейзажем, скажет кто-нибудь из находящихся в вагоне сибиряков. Если в вагоне случится местный охотник, он поспешит живописать этот болотистый край.

Однако Барабинская низменность — не только край сказочного обилия дичи.

Бараба — родина колхозного скотоводства. В здешних местах имеются обширные пастбища и обильные сенокосные угодья.

Сохранились высказывания первых русских переселенцев о Барабе. «Жить нам трудно,— говорили поселенные царским правительством в этом суровом краю.— Не будь гоньбы (ямщины),— хоть ложись я помирай... Вместо черной земли — одна тундра (торф). Хлеба хоть и растут в солому, но редко вызревают: ранние заморозки да туманы губят зерно».

Резко континентальный климат при среднегодовой температуре ниже нуля; короткий период вегетации, малоснежные зимы, ветры, гуляющие на открытых просторах, сдувающие с полей снег, бураны, глубокое промерзание почвы, поздние весенние и ранние осенние заморозки, пестрота почв, от чернозема до солонцов,— таковы особенности Барабы.

Здесь исстари держали много молочного скота, но до Октябрьской революции животноводство велось примитивно. Скот был мелкий, беспородный; зимовал он под открытым небом. Массовый падеж скота был обычным.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства постепенно превратила Барабу во «всесоюзную маслодельку». К 1948 году здесь, не считая нескольких десятков мясо-молочных совхозов, имелись 1.271 колхозная молочно-товарная ферма и столько же овцеводческих ферм, причем 82 процента колхозов имели по три фермы продуктивного скота. Большинство маслозаводов представляло собой крупные механизированные предприятия.

Для процветания Барабинской низменности первостепенное значение имеет осушение болот, что предусмотрено директивами XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану. Чтобы познакомиться с этой основной для Барабы проблемой, расскажем об Убинском районе — наиболее интересном в отношении мелиорации.

* *

...В открытой степи далеко видна группа домов и построек. «Наш научный штаб»,— с детской усмешкой говорит техник-мелиоратор тов. Ключук, начальник Карапузского системного управления Облводхоза. Убинская опытно-мелиоративная станция — единственный научный стационар, занимающийся Барабой.

«Газик» бежит по ровному полю. Не верится, что недавно здесь стеной стоял камыш, гнездились дикие утки. Не верится потому, что не видно осушительной сети. Но вот машина останавливается на берегу канала, глубоко врезавшегося в болотный массив. Вдоль него — гряда насыпанной земли: недавно экскаваторы углубили канал. Тов. Ключук объясняет, что по насыпи, вдоль канала, пройдет дорога, будет посажена лесная полоса.

А за каналом, насколько видит глаз, простирается неосушенная территория, шелестят под холодным ветром сухие бурые камыши. Контраст поразительный! Точно мы стоим на рубеже двух эпох: под ногами — Бараба преобразованная, за каналом — первобытная... Спрашиваю: «Чьи же это камыши?» — «Опытно-мелиоративной станции»,— хмурится тов. Ключук.

Бродим по запорошенному снегом жнивью, и он объясняет, почему не видно коллекторов, т. е. водоотводных канав. Они есть, но спрятаны в земле. Это отлично оправдавшие себя в барабинских условиях так называемые дрены — расширяющиеся книзу щели глубиной около 80 сантиметров. Остроумно сконструированная машина прорезает дрены под землей. Они пронизывают осушаемую территорию и выведены на канал.

В минувшем году три колхоза Убинского района уже освоили около тысячи гектаров осушенных земель.

— К сожалению, колхозы засевают эти земли без предварительного научного обследования их, без разработанного севооборота; даже планов мелиорации еще нет,— жалуется тов. Ключук.

К сумеркам мы успеваем осмотреть одно из возводимых на Карапузском канале сооружений. Впрочем, осмотр не отнимает много времени — пока «сооружение» представляет собой десятка полтора свай для моста. Забиты они давно, а когда будет мост,— неизвестно.

Было уже темно, когда мы добрались до колхоза имени Кирова. В правлении разговор зашел о мосте, который мы только что осматривали. «Ну, что же мост?» — задает вопрос тов. Ключук. «Что вы нас-то спрашиваете?» — недовольно отвечает председатель колхоза,— «Барабводстрой» строит ваша организация...» — «Да что мост!» — вмешивается в разговор старик-колхозник, заглянувший в правление на огонек.— Скажите лучше, как шлюз?» — насмешливо посматривает он на Ключука. «Ну, я-то ведь все-таки не «Барабводстрой»,— морщится тот.— Но, говорят, заканчивают»...

Лампа горит ярко, народа в правлении прибавляется, разговор становится общим. Кто-то из колхозников рассказывает о таком случае. Опытная станция разработала проект осушения небольшой площади колхоза «Герой труда» и долго упрашивала ЛМС (лугомелиоративная станция) произвести необходимые работы. Наконец, ЛМС прорезала дрены, а коллекторы — нет. «Как же это может быть? Даже не верится!» — недоумеваю я. «Как хотите,— говорит рассказчик.— Только это верно».

* *

Упреки колхозников в адрес учреждений, занятых решением проблемы Барабинской низменности,— не пустые нарекания. Работа их должна быть решительно улучшена. Правда, в Барабе только за последние годы проложено 460 километров каналов, завершено строительство Александро-Невской системы, заканчиваются экскаваторные работы на Асенкрит-Вильцевском участке, вырыто две трети Осиновского канала...

Бараба уже не та, что была 25—30 лет назад. Но сделано пока еще очень мало. Темпы мелиоративного устройства Барабы нельзя признать удовлетворительными.

Взять хотя бы работу основной строительной организации — «Барабводстроя» в таком «передовом» по мелиорации районе, как Убинский. Представляя себе необъятные барабинские просторы, я, естественно, ожидал соответствующего размаха работ, кипучей деятельности убинского прорабства «Барабводстроя». «Вот один шлюз построили»,— вяло повествует производитель работ. «Один?!» — «Один,— уныло подтверждает прораб.— Да и того никак не можем сдать. Скоро должен инженер приехать из нашей Куйбышевской конторы, наверное, сдадим». «А каков план?» — «Сорок пять объектов, из них 18 шлюзов, 23 моста». «Что же по плану сделано?» «Два моста построили да вот этот шлюз. Еще кое-где сваи забили...»

Не лучше обстоят дела и по «Барабводстрою» в целом. Годовой план строительства водохозяйственных сооружений выполнен на 51 процент, а по мелиоративному строительству — всего на 29. Из запланированных 216 гидротехнических сооружений «Барабводстрой» не возвел ни одного. Позорные цифры!

Не меньше удивляет несоответствие между масштабами проблемы Барабинской низменности и тем, что сделала для ее решения опытно-мелиоративная станция; она существует с 1929 года, располагает двумя тысячами гектаров, хорошо оснащена техникой. Сколько же освоено из этих двух тысяч гектаров? Всего 160.

Конечно, сотрудники станции не сидели все эти годы сложа руки. Станция имеет заслуги в разработке системы осушения при помощи щелевых и кротовых дрен, кое-что сделано в подборе дикорастущих трав для осушения болот, в дозировке удобрений для болотных почв, разрабатывается агротехнический комплекс. Но это очень мало. А главное — результаты изысканий станции почти не стали достоянием колхозов.

Не лучше обстоят дела и на лугомелиоративных станциях. Их богато оснастили мощными гусеничными тракторами, дренажно-дисковыми машинами, канавокопателями и прочей техникой. Но ЛМС недостает главного — вкуса к мелиоративной работе. Даже должности мелиораторов ЛМС вакантны, и, например, в Убинском районе техника станций подчас используется для... рытья придорожных канав.

На первый взгляд, лучше работает экскаваторная станция. Тут дело попроще — однообразные землеройные механизированные работы. Но и здесь благополучие оказывается только кажущимся, объясняется заниженными планами, на деле же имеют место простои техники. Неудовлетворительно работает и проектирующая организация — новосибирский филиал Росгипроводхоза. Сроки по ряду проектов далеко отстают от заданных.

Главная помеха во всей работе по мелиорации Барабинской низменности — всяческие «неувязки». Барабой занимается уж слишком много организаций: Облводхоз, новосибирский филиал Росгипроводхоза, «Барабводстрой», экскаваторная станция, областное управление МТС, поскольку оно руководит лугомелиоративными станциями. А вот разработкой научных проблем занимается одна Убинская опытно-мелиоративная станция. Эти проблемы мало интересуют Западно-Сибирский филиал Академии наук и Сибирский научно-исследовательский институт животноводства. А они должны были бы их интересовать.

Странно также, что областное управление сельского хозяйства и райсельхозотделы стоят в стороне от этого большого дела.

«Бараба?! Мы этим не занимаемся, обратитесь в Облводхоз»,— заявил мне первый зам. начальника областного управления сельского хозяйства тов. Кислов.

* *

У барабинской проблемы много нянек, а вот твердой руки не чувствуется. Министерство сельского хозяйства РСФСР, затратив большие суммы на обследование, в 1949 году завершило составление капитального научного труда «Схемы водомелиоративного устройства Барабинской низменности». Но что сделало министерство для быстрейшего решения проблемы после этого? А время не ждет. Министерству сельского хозяйства РСФСР пора сказать по вопросу о Барабе веское слово.

НОВОСИБИРСК

КАРТИНА И РАМА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда художник заканчивает картину, перед ним возникает вопрос: где найти соответствующую раму? Эта, на первый взгляд, «мелкая» проблема имеет большое значение не только для художника, но и для самых широких слоев населения.

Рама из хорошего багета с красивой тонированной лепниной придает картине законченный, нарядный вид. Удачно подобранная рама «помогает» живописи, «организует» пространство, сосредоточивает внимание зрителя на содержании художественного произведения.

Очень важно, чтобы оформление произведений изобразительного искусства не носило однотипный, стандартный характер.

Рама, сделанная из толстого блестящего, как вычищенный самовар, багета, сплошь и рядом «убивает» живопись: она назойливо лезет в глаза, отвлекая внимание зрителя от содержания произведения и утомляя его унылым однообразием.

Стиль оформления должен строго соответствовать содержанию художественного произведения. Хорошо подобранные рамы свидетельствуют о культуре оформления картин, гравюр и репродукций, о внимании к творчеству художника и заботе о зрителе.

В Москве производством багета для рам занимается «Всекохудожник», в ведении которого находится небольшая кустарная мастерская. Продукция мастерской ничтожна по количеству, убога по ассортименту и очень плоха по качеству. Художникам приходится «гасить» самоварный блеск багета и придавать ему нужные тона. Аляповатая гипсовая лепнина на багете делается по устарелым рисункам в стиле «модерн» и часто осыпается. Это происходит потому, что дерево, из которого делается багет,— сырое. Часто попадается искривленный багет. Углубления в нем, куда вставляется картина, недостаточны. Даже простых деревянных клиньев, необходимых для закрепления картины в раме, мастерская «Всекохудожника» не производит. На выставках и в музеях картины приходится закреплять гвоздями, что портит кромки холста и раму. Нет также в продаже и украшений для углов рам, так называемых «раковин».

Производство хорошего, разнообразного багета для красивых рам стало насущной необходимостью. Ведь культура нашего народа растет с каждым годом; неуклонно возрастает материальное благополучие советских людей; все шире проникают в быт произведения изобразительного искусства.

Наши издательства ежегодно выпускают репродукции произведений мастеров русской и советской живописи в огромных тиражах. Необходимо, чтобы эти репродукции тоже продавались в красивых рамах или окантованными. Но в продаже (и то только в больших городах) можно найти лишь уродливые рамки. К тому же недешевые.

Все это заставляет нас обратиться через «Литературную газету» с настоятельной просьбой к министру бумажной и деревоперерабатывающей промышленности СССР тов. И. Воронову и к министру местной промышленности РСФСР тов. П. Поповичу. Мебельные фабрики должны наладить производство багета различных размеров, цветов, рисунков и форм. Нам кажется, что этим должна заняться также и местная промышленность. Ведь для изготовления багета и рам можно использовать отходы древесины. Багет и рамы совсем необязательно отделывать только под бронзу. Можно изготовлять их из дуба и под орех, под красное и черное дерево.

Министерство бумажной и деревоперерабатывающей промышленности СССР, министерства местной промышленности и «Всекохудожник» должны организовать массовый выпуск разнообразного багета высокого качества. Надо привлечь художников к разработке новых типов багета и рисунков для лепных украшений. Необходимо поднять культуру оформления картин, акварелей, гравюр, цветных репродукций.

Мы уверены, что этот далеко не маловажный вопрос будет, наконец, решен.

Действительные члены Академии художеств СССР: М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ (КУКРЫНИКСЫ), К. ЮОН, В. БАКШЕЕВ, А. ПЛАСТОВ. Член-корреспондент Академии художеств СССР А. ЛАКТИОНОВ. Заместитель заведующего отделом выставок Академии художеств СССР А. КУЛЕШОВ.

ФЕЛЬЕТОН

Уточнение формулировки

Истоки этой истории восходят еще к минувшему году. В отделе кадров Главцентрофлота Министерства речного флота был объявлен «аврал»: к открытию навигации в пароходстве Москва — Волга-канал вновь создавалась речная транспортно-экспедиционная контора, сокращенно — РЕЧТЭК. А тут, как на грех, никак не найти подходящего человека, который был бы достоин возглавить РЕЧТЭК.

— Свистать всех наверх! — раздался сигнал из кабинета начальства.— Во что бы то ни стало найти кандидатуру!

Из главка, как с судна, терпящего бедствие, во все концы по телефону неслись тревожные позывные: «Спасите, требуется одна руководящая душа!»

И, наконец, нужный человек нашелся. Он прибыл из Московского отделения Западной дороги: транспортник, знаток по коммерческой части. Не руководитель, а просто находка!

В отделе кадров повеселели. Впопыхах забыли даже поблагодарить за оказанную услугу: первым, кажется, рекомендовал этого человека Майоровский, а ему советовали не то Носовский, не то Лукьянов, а им... В общем не оставалось сомнений, что будущего начальника конторы многие, конечно, хорошо знают и, конечно же, за него ручаются.

И вот на должность начальника РЕЧТЭК явился Роман Григорьевич Новак. Не теряя даром времени, он сразу же приступил к делу.

Начал, разумеется, с подбора кадров. Условия найма на работу установил особые: принимал людей или имеющих большой стаж... судимости или вообще не имеющих никакого отношения к речному транспорту, и за короткое время сколотил в конторе аппарат, вполне его удовлетворявший.

Если поверить устным заверениям и анкетным данным Романа Григорьевича, то его следовало бы встретить с распростертыми объятиями, как честного и скромного работника.

Правда, рассказывая о вехах своего жизненного пути, он не любит вдаваться в подробности. Чтобы не перегружать анкету излишними сведениями, он предпочитает не указывать в ней о том, что он имел судимости, отбывал тюремное заключение, что за авантюризм, за подлоги его дважды исключали из партии.

Мог бы он, конечно, многое рассказать и о руководителях-ротозеях, с помощью которых оставался сухим и устраивался на «теплые» местечки.

Сорвалось лишь, в конце концов, на этот раз: речники вывели его на чистую воду. Узнав, что за субъект этот Новак, его в мае прошлого года освободили от занимаемой должности за «невозможностью использования».

Но не таков Роман Григорьевич, чтобы сдаваться без боя.

— Это несправедливо! — запальчиво заявил он.— Я требую изменить формулировку увольнения!

«Униженный» и «оскорбленный» посылает в разные инстанции свои заявления и ходатайства: — Помогите, обижают!..

Сначала ему удалось разжалобить сердце зам. начальника 1-го отделения Московско-Рязанской железной дороги Спиридонова, затем зам. министра речного флота тов. Черевко.

Несмотря на то, что после приказа об увольнении Новака из системы пароходства Москва — Волга-канал прошло около месяца, тов. Спиридонов пишет запрос о переводе «незаменимого» работника опять на железную дорогу. А тов. Черевко дает указание в управление пароходства: «Откомандируйте согласно запроса, оставив ваш приказ в силе».

Ободренный поддержкой со стороны Спиридонова и Черевко, Роман Григорьевич подает иск в суд, требуя от управления пароходства, чтобы изменили формулировку увольнения.

— Я не позволю пятнать свое имя! Я хочу сохранить общий непрерывный стаж работы!

— Обижают? Не допустим! — И народный суд 8-го участка Тимирязевского района города Москвы выносит решение: «Предложить управлению пароходства МВК немедленно изменить формулировку увольнения гр. Новака Романа Григорьевича, указав в трудовой книжке: «Уволен в связи с возвратом в систему Министерства путей сообщения СССР за невозможностью использования».

Знал ли судья Морозов подлинное лицо и истинные причины увольнения Новака? Да, знал. Почти одновременно с вынесением решения народный судья, на этот раз уже просто от своего имени, посылает письмо министру путей сообщения. Морозов пишет о том, что при рассмотрении гражданского дела по иску Новака установлено, что он скрывает привлечение к уголовной ответственности в прошлом и исключение из рядов партии. Этот поступок народный судья справедливо квалифицирует в письме министру, как подлог, и просит министра «обсудить вопрос о дальнейшем пребывании гр. Новака на этой должности».

А как решение, вынесенное народным судьей Морозовым?

Что же решение? — подписано, так с плеч долой!

Правда, речники кассировали его. Но кассационная коллегия Московского городского суда под председательством тов. Беленького нашла, что судья Морозов совершенно прав. А посему решила: «Обязать управление пароходства Москва — Волга-канал изменить формулировку увольнения гр. Новак Р. Г. и считать его уволенным из системы Министерства речного флота в связи с переводом Новака Р. Г. на работу в систему Министерства путей сообщения».

Как полагается в суде, после вынесения решения Новаку задали вопрос:

— Вам понятно наше решение?

Новак поспешил заверить, что, конечно, понятно.

А вот нам — не понятно. Никак не понятно, чем вызвана такая трогательная защита Новака?

Ведь дело не меняется оттого, что по протесту Генерального прокурора СССР решение народного суда и определение судебной коллегии Мосгорсуда, в конце концов, были отменены как совершенно неверные судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР. Новаку не удалось добиться формулировки, которая гласила бы, что черное — белое, а он чист, как стеклышко. Верховный суд РСФСР определил, что Новак правильно уволен с Москва — Волга-канала как человек, не внушающий ни малейшего доверия.

Но Роман Григорьевич не унывает. Под крылышком зам. начальника по кадрам Московского отделения Московско-Рязанской железной дороги тов. Спиридонова, которому он неизвестно почему так полюбился, он продолжает благоденствовать на должности заместителя начальника станции Яничкино по коммерческой части. Пустили козла в огород...

В. МОИСЕЕВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МАСТЕР ЖИВОПИСИ СЛОВОМ

В горячую страдную пору батрак Каспар с женой уходят работать на хозяйское поле, оставив свою маленькую дочь дома. Во время их отсутствия возникает пожар, в котором гибнет их единственный ребенок. Вот и весь сюжет новеллы «В страдную пору», вошедшей в книгу **Андрея Упита «Рассказы»** (Рига, 1952, 367 стр.). Небольшой размер новеллы не помешал художнику с удивительной силой рассказать о судьбе семьи батрака Каспара, двумя-тремя штрихами начертить яркий портрет его хозяев-кулаков, психологически убедительно раскрыть душевную эволюцию Каспара — от бездушной работы «на хозяина» до сознания им классовой правды своего положения раба на «чужой» земле.

Через весь рассказ автор проводит образ «огня», придавая ему совершенно различное смысловое содержание. Вот чисто «зрительная» картина пожара. Сначала «выполз узкий синий язычок пламени и, шипя, принялся жадно облизывать раскаленные концы хворостинок». Затем «растущий, подвижной клубок пламени... подкатился ближе к стене. Но у кирпичного фундамента нечем было поживиться; тогда пламя привстало раз, другой и, как красная ящерица, вонзая острые когти в законопаченные сухим мхом щели, извиваясь, поползло по закоптелым бревнам». А когда пожар разгорается по-настоящему, «уже не ящерица — громадная черно-красная летучая мышь билась крыльями в стену и сотней языков тянулась дальше и дальше. Достигла потолка, отпрянула, вдоль щели добралась до посудного шкафа, на котором еще с зимы остался пучок пакли и обрывки веревок». Пламя добралось до окошка над дверью, где «с самой весны, когда прививали яблони, стояла мисочка с воском, раскрытая бутылка политуры... Взвизгнув от наслаждения, языки алчно припали к посуде — и лакали, лакали...» И, наконец, «не стало больше ни змеи, ни ящерицы, ни летучей мыши. Все слилось в одну сплошную огненную волну».

Но это изображение огненной стихии с поразительной силой деталей, с умением словом воссоздать перед читателем живую картину, как бы красочно оно ни было, не является для художника самоцелью. Ведь в огне этого дома сгорела маленькая Лизочка, единственная дочь батрака. Ведь в то время, как над ребенком падали горящие стропила, хозяева-кулаки спасали мебель...

И образ огня снова возникает в конце рассказа. На вопрос жены: «Горит еще?» Каспар не ответил, потому что он уже «смотрел поверх пожара. Он смотрел дальше. Понемногу в его глазах загорался странный огонь. Он расправил плечи. Жилы еще крепки. Мышцы полны грозной силы».

По живописной яркости и убедительности страницы рассказа, рисующие пожар, достигают подлинно горьковской силы,— недаром А. Упит среди любимейших своих писателей первым называет имя Горького.

Ту же впечатляющую детализацию, как средство достижения художественной выразительности, мы видим и в другом дореволюционном рассказе А. Упита — «Хлеб». Картину одинокого насыщения толстенького господина, по виду — скупщика масла, автор как бы видит глазами соседей скупщика по вагону, истощенных постоянным недоеданием людей: старика-крестьянина, женщины с хутора, младшего учителя, литовца — рабочего с детьми...

«...В невыразимо соблазнительном беспорядке ложатся на столик и лавку куски копченой лососины и семги, две большие жареные рыбины, пара небольших рыбешек, бело-розовое жаркое из поросенка, жареная телятина с румяной корочкой... Скупщик наливает, пьет, кряхтит, щелкает пальцами и закусывает — от всего понемножку, не торопясь, будто скуки ради. Он не голоден, но ест с наслаждением».

Детальное, подчас скрупулезное описание пиршества толстенького господина прорезает обобщающая мысль: «Он никого не видит. Он один в своем мире». И ненависть к представителю класса жирных и богатых вспыхивает открыто и неудержимо в финале рассказа.

Гневную обличительную патетику, воплощенную в живые образы, мы видим и в «Обращенном», и в «Человеке, убившем розы», и в «Смерти Клэманса Перье», и особенно в «Клавсе Брунисе» — рассказе, посвященном героической борьбе латышского крестьянства со своими палачами — гитлеровскими оккупантами (1943 г.).

И тут же, рядом со страницами, насыщенными гневом и болью, читатель найдет произведения, исполненные острого юмора. Разве не вызывает улыбку у каждого отповедь крестьянина-поденщика Сприца Пагалниека («Безбожник») пастору Акоту. Разгневанный пастор кричит на Пагалниека, что тот «закоренелый грешник... социалист... а может быть, даже коммунист». Пастор допытывается, сколько Пагалниеку платят за его «службу».

С чисто «швейковским» лукавством, «почесав одной рукой в затылке», крестьянин отвечает:

«— Неужели за это хорошо платят? Чорт возьми! Почему же до сих пор мне об этом никто ничего не говорил. Каугерт за сажень дров дает сто пятьдесят. Хозяин летом за рытье канавы — десять,— но тогда, знай, к вечеру со спиной такое делается, будто ее железными обручами перетянули».

И тут же, перейдя от обороны к наступлению, требует, чтобы пастор рассказал о своих «поденных» доходах.

Не все рассказы Андрея Упита имеют так называемую «острую фабулу», но все они читаются с живым, неослабевающим интересом, они обогащают читателя, по-настоящему волнуют, будучи произведениями истинного искусства.

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ О ПИОНЕРАХ

На читательских конференциях нередко приходится слышать от ребят: «Напишите про нашу школу! Расскажите о нашем отряде! Почему о нас так мало пишут?» Обида ребят вполне понятна.

Сами названия большинства повестей на пионерскую тему говорят о том, что посвящены они летнему периоду и, по существу, рассказывают об отдыхе ребят («Хорошее лето», «На солнечный простор», «Яснокамское лето» и т. д.). Но ведь правда жизни такова, что наши пионеры самую значительную часть своего времени проводят не на озерах и лужайках, не в походах и путешествиях, а в школе, в пионерском отряде, и что именно там возникают самые типичные ребячьи конфликты. В день 30-летия пионерской организации товарищ Сталин пожелал советским пионерам «успехов в учении, в труде, общественной работе». Вот они — основные задачи советских пионеров!

Школьный материал, на первый взгляд, кажется «невыигрышным» для писателя, серым. А на самом деле, что может быть поэтичнее первого открытия мира?! Писать о пионерской организации в школе — это вовсе не значит показывать только уроки да пионерские сборы (хотя и о них, конечно, нужно писать!). Школа наша сотнями неразрывных нитей связана со всей окружающей жизнью страны, и настоящая, хорошая повесть о школе — это всегда широкий, никакими рамками не суженный рассказ о жизни.

На мой взгляд, нужно очень внимательно относиться к тем детским писателям, которые смело берутся за раскрытие романтики учебы, за рассказ о делах школьной пионерской организации.

Недавно вышла повесть молодого писателя **А. Алексина «Отряд шагает в ногу»** (Детгиз, 1952, 192 стр.). Это книга о нелегких путях создания дружного пионерского коллектива. Автор подметил в пионерской жизни острые конфликты. Ему удалось, как мне кажется, создать интересный образ пионерского вожака Вани Земцова. Ваня — страстный общественник, но это отнюдь не прилизанный, благонравный мальчик, не «деточка-конфеточка». Ваня показан дома и в школе, его характер раскрывается в столкновениях, во взаимоотношениях с товарищами, со взрослыми, с маленьким братишкой Димкой. Он преодолевает много трудностей, ошибается, исправляет ошибки и, если так можно сказать, растет на глазах у читателей. Запоминаются и ванины друзья: честный и прямой Петя, чуть комичная фигура «поэта» Толи Зяблова, отчаянный физкультурник Жора Гурнов и уж, конечно, маленький Димка.

Есть в повести хороший юмор (сцена в больнице, история со стенгазетой), есть и публицистически приподнятые страницы. Лучшая глава повести «Василий Кузьмич улыбается...» посвящена уроку, обычной контрольной работе по арифметике. Волнующе рассказано о том, как все ребята беспокоятся за судьбу своего долго болевшего товарища Вити Бурцева: решит он «контрольную» или нет? Весь коллектив думает об одном и том же, но ребята-пионеры очень не похожи друг на друга, у каждого свои черты, свой характер, и даже сидят они за партами все по-разному...

К сожалению, есть в повести и серьезные недостатки, в какой-то степени общие для многих книг на школьно-пионерскую тему. Главный из этих недостатков — нередко проявляющийся назойливый дидактизм. Автор словно не верит, что ребята сами могут сделать правильный вывод из того или иного эпизода, описанного в книге. И вот он вкладывает в уста взрослых (вожатых, учителей, родителей) нудные разъяснения, скучные сентенции...

Книга чрезвычайно перегружена пионерскими «делами». Кажется, автор захотел предусмотреть и описать все случаи, которые могут встретиться в школьной жизни. Поэтому иные главы смахивают на беллетризированную инструкцию по пионерской работе. Раскрытие живых человеческих судеб подменено в них перечислением «дел», скучным разговором о них; тут и язык становится бесцветным, суконным.

Приторно-сладки, прилизаны в повести образы взрослых. Это все ходячие добродетели, без конца кого-то поучающие и все исправляющие.

Анатолий Алексин решительно должен изгнать из своих книг назойливый дидактизм, стремление рассказать обо всем. Только настойчиво овладевая искусством художественного отбора фактов и событий, смело углубляя характеристики своих героев, молодой, способный писатель сможет добиться настоящих творческих успехов.

Алексей МУСАТОВ

ФЕЛЬЕТОНЫ Н. ЯЩЕНКО

Большой интерес советского читателя к фельетону, как к одному из видов сатиры, не подлежит сомнению. Хорошо написанный газетный фельетон может быть полноценным художественным произведением и, вынутый из газетной полосы, сохраняет всю свою остроту и ударную сатирическую силу.

Книжка **Н. Ященко «Дорогая уха»** издана в Чите (1952 г., 64 стр.). В нее вошли фельетоны, в разное время публиковавшиеся в областной читинской газете. Собранные вместе, эти фельетоны не увяли и не утратили своей сатирической актуальности. Они читаются с интересом, как маленькие невыдуманные сатирические рассказы, бичующие различные, еще не изжитые в нашем обществе пороки и недостатки.

Автор обладает остроумием, боевым темпераментом — качествами, необходимыми для работы в этом жанре. Он умеет выбрать яркий факт, отражающий типичное явление, рассказать о нем живо, лаконично, с хорошим юмором и сделать из него точный обобщающий вывод.

Начальник, разводящий семейственность и кумовство; ответственный работник, превращающий служебные командировки в охотничьи экспедиции; различного рода очковтиратели; бездушные чиновники-формалисты, чье тупое равнодушие порой приобретает характер откровенного издевательства над трудящимися; горе-хозяйственники, не умеющие использовать находящиеся у них под носом ресурсы,— вот «герои» разоблачительных фельетонов Ященко.

В фельетоне «Далеко слышный голос» фельетонист подвергает осмеянию некоего начальника Скрипникова, не терпящего критики крикуна и грубияна, уподобляя его щедринскому градоначальнику.

— Не потерплю! — кричит зарвавшийся Скрипников.

«Но он и ему подобные забыли, что именно их — самодуров и зажимщиков критики — не потерпит советское общество».

В фельетоне «Карымская переправа» фельетонист с возмущением и в то же время очень смешно рассказывает, как для эксплуатации обыкновенного плашкоута, долгое время успешно обслуживавшегося одним стариком-колхозником, была создана специальная строительно-эксплуатационная контора со штатом в 32 человека и как сразу после этого ухудшилось обслуживание населения.

Героем фельетона «Иван Андрианович поздравляет» является крупный железнодорожный начальник, который разослал под Новый год множество поздравительных телеграмм; они обошлись государству в 33.136 рублей. Фельетонист подает этот случай возмутительного разбазаривания государственных средств в форме остроумного диалога между начальником и пришедшим к нему в кабинет Новым годом.

Но все же чувствуется и некоторая стилистическая однотипность фельетонов Н. Ященко. Так, например, он явно злоупотребляет довольно шаблонным приемом перенесения действия в план сказки. Тут и золотая рыбка, и терем-теремок, и серенький козлик, и три поросенка... Не слишком ли много?

Фельетоны Н. Ященко принадлежат к типу так называемых «маленьких фельетонов». Это, по существу, только беглые сатирические наброски.

Нам кажется, что Н. Ященко не следует ограничиваться только такими набросками. Хочется посоветовать автору испытать свои силы и в более сложных видах фельетонного жанра, где нашли бы место и элементы памфлета, и законченный сатирический портрет и где переход от конкретного факта к характеристике типичного явления был бы более развернутым и глубоким.

**Вл. МАСС,
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ**

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

«Минусинск...

От Москвы до Красноярска около пяти суток езды на поезде, больше четырех тысяч километров. От Красноярска до Абакана — еще сутки. А там на лошадях, на машине... Не близкий край — Минусинск».

Так начинается книга очерков покойного **А. Аграновского** о Минусинском районе **«Сегодня и завтра»** (Красноярск. 1952 г. 238 стр.).

Преобразование природы далекого Минусинского района, где средняя годовая температура — ноль; наука, поставленная на службу сельскому хозяйству и обогатившая экономику колхозов; люди колхозной деревни — пламенные энтузиасты, творцы новой жизни — основные темы очерков. В каждом очерке А. Аграновский умеет показать ведущую роль коммунистов в новых начинаниях.

В книге — двенадцать очерков, связанных между собой действующими лицами и ходом событий. Перед читателем встает и су-

ВОСПИТАНИЕ БДИТЕЛЬНОСТИ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Неизжитое еще ротозейство наших людей составляет питательную почву для вредительства, для подрывной работы вражеской агентуры. Факты показывают, что капиталистическое окружение — дело серьезное и что, как говорил Г. М. Маленков на XIX съезде партии, «...враги Советского государства настойчиво стремятся засылать к нам свою агентуру, использовать в своих грязных целях неустойчивые элементы советского общества».

Эти факты напоминают нам о том, насколько важно и необходимо повседневно воспитывать в советских людях чувство бдительности. И здесь немалую роль должно играть наше искусство.

Мне пришлось увидеть на сцене Московского театра драмы и комедии новую пьесу драматурга Ц. Солодаря «У лесного озера». Еще до посещения театра я читал эту пьесу в рукописи и обнаружил в ней важное качество — пьеса остро и интересно ставит вопрос о бдительности, показывает, как пользуется враг беспечностью и ротозейством. Пьеса помогает воспитывать бдительность с юного возраста.

Враг, изображенный в пьесе, воспитывался в штате Колорадо, в США. Это потомственный разведчик, наследник тех, кто орудовал в свое время на русском Севере во время оккупации Архангельска. Шпион, старающийся выкрасть важные секреты изобретателя Белоусова, является представителем американской разведки и действует под руководством некоего дипломата, аккредитованного в Советском Союзе. Автор разоблачает гнусные методы шпионов, которые и детскую доверчивость используют в своих подлых целях.

Обращаясь к советским ребятам, автор доказывает им, как важно всегда быть бдительным. В пьесе показано, как враг, не сумев проникнуть к государственной тайне другими испробованными им путями, пытается воспользоваться детской наивностью и беспечной болтливостью пионера Володи, ученика 6-го класса. Под личиной безобидного дачника-рыболова Бориса Борисовича американский разведчик—хитрый, опытный и беспощадный—бродит вокруг дачи, где отдыхает у лесного озера семья Белоусова. Задача разведчика — похитить записную книжку, куда, как он узнал через Володю, конструктор вносит формулы нового изобретения, имеющего важное оборонное значение.

Дети, присутствующие на спектакле в театре драмы и комедии, с неослабевающим вниманием следят за развитием событий. Им сразу становится понятно, что если записная книжка ускользнет из рук конструктора и попадет в руки шпиона, значит задача врага выполнена. «Борис Борисович» обманывает мальчика. Зная, что Володя хочет сделать отцу подарок ко дню рождения, «Борис Борисович» обещает ему сюрприз: красивый переплет для отцовской книжки. Пусть только мальчик достанет книжку на один час, и «подарок» будет готов. Затаив дыхание, привстав со стульев, ребята смотрят на сцену... Раздается коллективный вздох возмущения: ротозей Володя соглашается принести записную книжку отца. Володя (которого хорошо играет артистка Т. Дмитриева) не только похищает книжку; он выбалтывает «Борису Борисовичу» сведения о характере работы своего отца.

Мальчишка отвечает на, казалось бы, безобидные вопросы, но зрители ахают от досады. И когда сверстница Володи, пионерка Верочка — эту роль отлично исполняет артистка А. Власова — проявляет настоящую пионерскую бдительность, юные зрители приветствуют ее поведение одобрительным шумом...

Дело происходит так: Белоусов вместе с отцом Веры ушел из дому по своим делам. Володя рассказал Вере о задуманном им «сюрпризе» и попросил ее принести книжку из пиджака, оставленного отцом в комнате. Вера поняла, что записи такого человека, как Белоусов, не должны попасть в чужие руки. Ничего не сказав Володе, она заменила книжку конструктора своей — точно такой же.

В последней картине происходит разоблачение и поимка разведчика. Верочка, опередив взрослых и спрятавшись в лодке, наблюдает за подозрительным ей «Борис Борисовичем». Шпион добился, чего хотел, получил от доверчивого мальчика необходимую записную книжку. Но зрители знают, что книжка подменена, и в руки шпиона никакой секрет не попал. Следовательно, если даже он сумеет скрыться из района лесного озера, государственная тайна не уйдет вместе с ним.

Напряжение возрастает с каждой минутой. Все в зале знают: за «Борисом Борисовичем» внимательно следит советская разведка, меры к его поимке приняты. Но сейчас на сцене видны лишь пустынные плавни. И вот шпион замечает Верочку. Он вытаскивает ее из лодки, хочет заставить съесть отравленную конфетку. Девочка ведет себя храбро. В ее глазах — пример бессмертной Зои Космодемьянской, пример героев Краснодона.

Кольцо окружения сжимается. Враг не уйдет. Но какой ценой? Может быть, в последнюю минуту погибнет Верочка! Драматическое напряжение сцены передается в зрительный зал. Дети встают, кричат. Кажется, они хотят ринуться на сцену, чтобы предотвратить гибель Верочки, которая стала для них героиней. На помощь девочке приходят капитан Шурыгин (артист Н. Изгарышев), лейтенант Павлова (артистка Э. Знамеровская), полковник Сазонов (артист Н. Сунозов). Враг пойман с поличным.

На этом драматург, казалось бы, завершает свою задачу, театр тоже; должна быть поставлена точка. Зрители могли бы разойтись, чтобы горячо обсудить все то, чему они были свидетелями, что их взволновало. Но их неправомочно все еще держат в зрительном зале. Зачем? Затем, чтобы прочитать несколько нравоучений болтливому ротозею Володе и пожурить его; чтобы сообщить зрителю, что в записной книжке не было никаких тайн, ибо конструктор заносил в нее лишь безобидные сведения по политэкономии.

Следовательно, все происходившее на сцене было ненастоящим. Зрителя держали в течение нескольких часов по пустякам. Все было предусмотрено взрослыми, и мог сколько угодно болтать Володя, и могла — что самое страшное — проглотить «за-зря» отравленную конфету героиня спектакля, юная патриотка Верочка...

Зачем же понадобилось снизить финал?

И здесь с тревогой думаешь о реперткомовской практике Комитета по делам искусств. Пришли, вероятно, какие-то взрослые дяди на этот спектакль для детей и заставили все разжевать, свести концы с концами, изложить нравоучительные истины, не оставив ничего для размышлений зрителю.

Значит и автор пошел на поводу у советчиков-перестраховщиков, зачастую отставших от жизни, от понимания современного зрителя (в том числе и юного) и его запросов, его образованности, его способности самому, без воздействия надоедливых дядей, понять и правильно осмыслить показанные ему сценические положения и образы.

Над спектаклем и пьесой еще надо работать. Но в целом Театр драмы и комедии (постановщики А. Плотников и М. Попова, актерский коллектив, художник Г. Лебедева) показал удачный спектакль, который призывает к бдительности на всех участках нашей жизни.

В новом книжном магазине, открытом в городе строителей Каховской ГЭС — Новой Каховке.

Фото А. ФАТЕЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

* **В Союзе писателей Белоруссии** обсуждалась книга «Очерки по истории белорусской советской литературы», подготовленная Институтом литературы и искусства Академии наук БССР. Выступившие на обсуждении отметили, что институт проделал большую работу по созданию «Очерков», но они посвящены слишком узкому кругу писателей. Отдельные очерки написаны слабо, недоработаны.

* **В Киеве** состоялось открытое партийное собрание ССП Украины, посвященное работе творческих секций и комиссий. Участники собрания отмечали, что секции и комиссии за последнее время несколько активизировали свою работу. Так, комиссия драматургии в прошлом году ознакомилась с рядом новых пьес; секция прозы обсудила несколько крупных новых произведений. Однако уровень работы творческих секций и комиссий все еще не высок. Собрания посещает еще очень ограниченное количество писателей, комиссии и секции не занимаются теоретическими проблемами, мало интересуются творчеством писателей, живущих и работающих в областях.

* **Правление ССП Армении** посвятило одно из своих заседаний сатире в прозе, поэзии и драматургии. На заседании отмечалось, что за последние годы писатели Армении не создали ни одного сатирического романа или повести. Редко появляются в печати фельетоны; сатирические стихи серы и невыразительны. Комедии «У родника» Н. Заряна, «Старая болезнь» М. Кочаряна и «Беспокойные люди» А. Гулакяна — лишь первые шаги, сделанные в этом направлении в драматургии. Правление решило систематически устраивать творческие совещания по вопросам сатиры.

Секретариат союза и секция драматургов провели обсуждение нескольких новых комедий. Резкой критике подверглась комедия А. Папаяна «Остатки старины». Выступающие отметили незнание автором жизни, неправильное понимание им задач советской сатиры.

* **В Барнауле, на меланжевом комбинате,** работает группа поэтов—рабочих и служащих, которые входят в литературный актив алтайского краевого отделения ССП. Засорин, Русанов, Сидоров, Лабанова и другие печатают свои стихи в краевых газетах, альманахе «Алтай». Стихотворение Д. Русанова «Подпись солдата» получило вторую премию на конкурсе газеты «Сталинская смена». Рабочий Б. Засорин создал много частушек, которые поются в городах и селах Алтайского края. Бюро алтайского отделения ССП приняло решение об издании в 1953 году книги стихов молодых поэтов—рабочих меланжевого комбината.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТАЛАНТА

Вера СМИРНОВА

Чем дальше мы отходим от войны прошедшей, чем больше нам угрожают новой войной, чем шире становится на земле круг друзей мира, тем строже и требовательней мы ко всему, что говорится и пишется о войне. Военная истерия, которой больна литература Запада, вызывает в советском человеке такой здоровый и сильный протест, что мы не можем не хотеть, чтобы всякое новое произведение советской литературы, написанное на темы войны, было выражением мыслей и чувств советских людей, глубоко человечного отношения к войне, свойственного советскому народу. Вспоминает ли писатель «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», мы ждем от него не просто «боевых зарисовок», каких-то новых «военных эпизодов», а живой, страстной мысли, освещающей события, людей и их дела со всей силой нашего социалистического опыта. Советский писатель должен всегда чувствовать и знать, что к голосу его прислушивается весь мир.

Все эти мысли невольно возникают в голове, когда читаешь новую повесть Э. Казакевича «Сердце друга».

Если очень коротко сказать, о чем повесть, получается примерно так: жил хороший, простой, сильный советский человек, воевал, любил, сложил свою голову «за други своя» на чужой земле; прошли годы, опять пришли враги, срыли могилу советского солдата, устроили аэродром, чтоб легче было напасть на Советскую страну; а в это время ребенок погибшего в первый раз пошел в школу... В самом таком плане произведения еще не видно замысла, угадывается лишь правдоподобие основы да горечь, неизбежная спутница гибели друга. Значит, перед нами возможный жизненный и военный случай, который силой таланта писателя, его опыта и, скажем, неравнодушия к судьбам людей, стран, всей жизни на земле мог бы стать историей, мог бы стать философией, мог бы стать легендой, потрясающей сердца. Все дело в том, зачем выбрал писатель именно такой случай и как он рассказывает его. Очевидно, весь смысл рассказанного—в образе того, чье «сердце друга» бьется и живет в книге — в образе «человека сороковых годов двадцатого столетия», как называет его Казакевич, смысл в том, как человек этот жил, воевал, любил и умер.

Повесть написана талантливым писателем, не только видевшим войну своими глазами, но ее участником, прошедшим много военных дорог. Мы знали Э. Казакевича до сих пор как писателя исключительно военной темы, и то, что новая его повесть после нескольких лет молчания — тоже о войне, свидетельствует, что он не исчерпал своей темы, что он болеет ею, и естественно было ждать нового слова, может быть, еще более искреннего и значительного, чем то, что мы читали у него раньше.

В первых главах повести мы узнаем «почерк» Казакевича, писателя, умеющего смело, прямо, почти по-военному объявлять свою «задачу», острую, трудную и для героев и для автора, но всегда такую, в которой легко распознаются люди. Получен приказ о смене, но полк еще должен перед тем, как смениться, произвести разведку боем, вдвойне тяжелую и потому, что люди измотаны, и потому, что уже пришла смена.

— Товарищ Акимов, готовься,— говорит командир полка, и в этот драматический момент мы знакомимся с капитаном Павлом Акимовым, чья судьба определяет движение повести, ее характер.

Акимов сразу располагает к себе читателя своей уверенной силой, внутренней свободой, которая чувствуется в этом большом тридцатилетнем человеке, и той странной бесстрашной усмешкой, с какой он принимает жестокое задание, а больше всего, конечно, отличной русской краткой, но очень емкой и меткой речью, о которой недаром одобрительно отзываются солдаты: «Этот скажет». Читая про капитана Акимова, прежде всего «слышишь» его, как он твердо объявляет: «Воевать будем», как запросто, душевно разговаривает с солдатами ночью перед боем, обходя траншеи, как нетерпеливо и сердито повторяет «понятно», когда комдив отказывает ему в танках, как четко и властно распоряжается в бою, как грубовато шутит, как может презрительно оборвать человека и как неловко и стремительно объясняется в любви, говоря Аничке: «Конечно, лучше бы всего этого не было. Не то время. Не обижайтесь, но я жалею, что встретил вас. Нам бы лучше встретиться в мирное время».

Речевая характеристика Акимова гораздо убедительнее, чем его биография, которая кажется сочиненной позже и приложенной к делу справкой. Натяжкой кажется даже то, что он моряк: и уж, во всяком случае, тот кусочек биографической главки, где говорится об Одиссее, соленом ветре морей, неверной стихии моря, по одному этому набору слов кажется удивительной дешевкой для такого тонкого писателя, как автор «Звезды».

Гораздо интереснее то, что думали об Акимове люди, которые жили с ним рядом, вместе воевали, например, капитан Дрозд: «Он был как будто весь на ладони, этот Акимов, и все-таки было в нем много тайного, сложного. Это был не «рубаха-парень», каким он казался спервоначалу, и прямота его была вовсе не признаком элементарности, а свойством характера, который не желает связывать себя двуличием... Акимов был прирожденным вожаком, руководителем». Таким кажется он окружающим, таким видит его читатель в первых главах повести.

Казакевичу поначалу удалось создать интересный и цельный характер: Акимов, безусловно, человек недюжинный, он не только талантливый военный, что видно уже в «разведке боем», но и вообще широко и щедро одаренный человек, с тонким насмешливым умом, острым чутьем к людям и с большим обаянием. Невольно хочется, подобно его ординарцу, сержанту Майбороде, если не вообще прощать Акимову его недостатки, то во всяком случае находить им оправдывающие и смягчающие мотивировки. Этот большой, сильный, смелый человек вызывает доверие.

И вот в жизнь этого человека неожиданно, в самый трудный и как будто неподходящий момент, вместе с девушкой, шагнувшей в его блиндаж, входит любовь. «Что-то оборвалось в нем при виде девушки. Ему показалось, что он сразу понял, что... эта девушка, со смехом вынырнувшая из осеннего, темного и безбрежного мира, и есть та самая, о которой он думал в течение прошлой жизни. Весь мир, включая эту землянку, бесконечные овраги, разбитые деревни и изрытые саперными лопатами мокрые равнины, в этот момент показался ему новым, небывалым, окрашенным в другой цвет и находящимся как будто в другом измерении. Или, может быть, он сам перешел сразу из одного состояния — прежнего, привычного состояния души и даже прежнего физического состояния — в другое, необычное, более светлое, как перешел бы альпинист, поднятый на высокую горную вершину, в другую, высокогорную атмосферу, где дышать и легче и труднее».

За последние годы писатели не часто трогали нас правдивым и тонким изображением простого человеческого чувства любви. Поэтому мы готовы поверить, если не этим, немного выспренним словам, то той особенной — именно на войне, в землянке, в разбитой деревне, на мокрых равнинах — жажде любви, какая угадывается за ними.

Казакевич вводит в свою военную повесть тему **любви на войне,** отдавая ей очень большое, почти первенствующее место. Появление Анички Белозеровой вносит в военную обстановку совсем иной, чуждый войне дух. Она заливается-хохочет: «Ох, умора!», бросается на шею полковнику, превращая сразу сурового вояку в доброго дядю—старого «папиного» товарища, она причесывается во время атаки. В блиндаже комбата в самый разгар подготовки к предстоящей разведке боем вдруг центром всеобщего пристального внимания становится женщина — ее глаза, ее ресницы, ее волосы, даже ее «крохотные сапожки», выше которых «с несомненностью угадывались стройные и крепкие ноги». И тот же Акимов, который час назад в этом же блиндаже объяснял своим офицерам последнюю страшную, для многих смертную задачу, теперь, точно раздвоившись, продолжая механически отдавать распоряжения и готовиться к бою, ревниво следит, как «лебезят перед девицей» его товарищи, и, как бы обороняясь изо всех сил от немыслимого для него очарования ее молодости и красоты, ожесточенно пытается думать о ней все самое грубое и дурное.

Нельзя сказать, что вся эта сцена неестественна. Однако, как все это далеко от того «высокогорного ощущения любви», которое только что возвестил нам писатель! И мы невольно ждем уже, чтобы начался бой, желая вновь увидеть Акимова мужественным, прямым, умным и сильным.

Если бы писатель, противопоставивший суровому мужскому военному быту юную женственность своей героини, сумел в то же время показать ее на войне в каком-нибудь настоящем деле, а не отделался только ссылкой на разговоры разведчиков о том, что ей «якобы удалось» что-то разведать и установить, если бы у Анички в повести был характер, а не видимость его, если б она существовала на страницах не только для того, чтобы Акимову было кого любить, тогда, вероятно, и любовь Акимова была бы иной. А если бы любовь для Акимова была, действительно, той большой и светлой силой, которая помогла бы ему жить, воевать, если бы она в чем-то изменила его, переделала, пробудила в нем какие-то новые силы, подняла бы его выше, сделала лучше, сильнее, тогда достигнута была бы цель автора и оправдано то большое место, которое отведено любви в «Сердце друга».

Но та любовь, которую нам показал Казакевич, никому не помогла жить, только мешала, была обузой, болью, тревогой, ревнивым беспокойством, никому не принесла радости, с ней почему-то надо было бороться — даже таким бесчеловечным способом, как посещение Наташи. Только и было радостного в этой любви, что короткая прогулка Акимова и Ани в осенней березовой роще, когда они отстали от поезда и остались вдруг одни и когда их руки были совсем близко,— похожие на «узкий, изящный листок ивы рядом с большим кленовым листом». Но, правду сказать, это необычайное и милое сравнение, если вдуматься, зачем оно здесь, ложится на судьбу Акимова и Анички какой-то тенью обреченности — извечно-литературной, роковой, тристано-изольдовской. Недаром через несколько страниц сама Аничка вспомнит, что она изучала немецкую литературу, и будет сравнивать Акимова с Тангейзером!

Так часто за последние годы приходится слышать сетования — и шуточные и всерьез — на то, что у нас в литературе производственные вопросы заглушают голос любви, что писатели порой ханжески говорят о ней.

Казакевич на первый взгляд как будто взялся разрушить этот заговор молчания. Но та «правда» о любви, которую мы находим в его повести, оборачивается либо еще не изжитыми литературными реминисценциями, либо такими злостными пережитками старого буржуазного отношения к женщине, что повесть Казакевича не может дать пример молодежи, которая ищет в книгах, в фильмах тот здоровый и красивый «образец любви», что помогал бы формировать их мечты, вкусы и отношения между собой. Чему служит в повести эпизод с учительницей Наташей? Необходимость его кажется спорной, а финал с приходом детей бесспорно бестактен. Что хотел автор? Противопоставить этот эпизод встрече с Аничкой? Показать, как человек «борется» с любовью? Почему Акимов, только что проведший несколько часов у незнакомой ему и даже не успевшей понравиться Наташи, так ревниво-тяжело относится к предположению, что Аничка тоже уже «опытна» в любви? И почему он и позже, уже расставшись с ней и считая ее своей женой, все время упорно не доверяет ей? На все это есть один ответ: жизнь оказалась сложнее и задача труднее, чем показалось писателю.

Как и многие другие, Казакевич все же лучше умеет изображать людей в бою, чем в любовном поединке. Начало повести и, в особенности, разведка боем написаны очень сильно, весь Акимов раскрывается в этих главах. Запоминается и замполит Ремизов, учитель, и хозяйственный Майборода, и «красивый, как куколка», лейтенант Орешкин, у которого и командир — «лучший в дивизии», и замполит — «лучший политработник в полку», и вообще все — «одни только лучшие». Невольно думается, что первые три главы, в сущности, могли бы стать законченным произведением. И рассказ этот был бы в особенности правдивым и сильным, если б автор показал необходимость этой последней разведки.

Но, пожалуй, именно этого чувства необходимости больше всего недостает повести. Вся вторая половина поражает почти полным отсутствием внутренней закономерности, обоснованности всего происходящего, удивительным авторским произволом. Автор заставляет своего героя снова, во второй раз, пройти через многое, что было с ним в начале повести, и повторяется вновь и «смена», которая приходит опять предвестием новых боев, и «беззаветная любовь» матросов к Акимову, и хозяйственный вестовой с тем же талантом к «благоустройству», и разговор с генералом при свете фонарика, и встречи, и мысли,— все эти неслучайные повторы создают такое впечатление скуки, даже бессмысленности происходящего, что теряется представление о том, с кем, когда и за что воюет Акимов. Это усугубляется той приблизительностью, порой даже недостоверностью художественной, с которой показан Акимов, как моряк, как командир корабля. Достаточно напомнить сцену, когда командир морского охотника Бадейкин уходит «поспать», предоставляя своему дублеру Акимову командовать кораблем. «Оставшись на мостике один, Акимов стал распоряжаться на охотнике... Маленький экипаж катера-охотника беспрекословно и немедленно выполнял все команды... Акимов радовался тому, что, как выяснилось понемногу, он все знает и прекрасно помнит... все это, вплоть до мелочей, тихо и разом поднялось из глубины его памяти так, как иногда бывает с песней, забытой, казалось, до основания»,—какие это все общие места, отписки, пустые слова вместо дела! «Боцман Жигало медленно ходил по палубе, приводя хозяйство в полный порядок»... ну, конечно, что же еще делать боцману?

Мы с сожалением видим, что Акимов не только не раскрылся глубже, не вырос, не приобрел какие-то новые черты зрелости, опыта, а, наоборот, словно утратил что-то молодое, живое, сильное, чем он нам понравился в начале повести. То, что он стал отцом, почти нереально для него и не вызывает в нем никаких чувств. Да и сам образ Анички не живет в его теперешнем военном существовании и никак не влияет на него, хотя автор упоминает о постоянном и частом обмене письмами. Так он и воюет, привычно, все с той же странной усмешкой... А ведь война шла уже к концу, и предчувствие, предвидение близкой победы было в это время так сильно и в армии, и в стране, и во всем мире, что не могло не ощущаться таким человеком, как Акимов. Откуда же такая странная застылость, неподвижность образа? Именно потому, что герой повести никуда не движется, все, что говорится в конце повести, кажется какой-то растянутой скороговоркой, которая все с большей беспощадностью отражает потерю писателем ведущей мысли, верного направления.

В синем тумане, в который погружена вторая половина повести, не видно никакой перспективы, никаких очертаний той жизни, во имя которой шла война, ради чего воевал и умер Акимов. Что же? Неужели мы должны согласиться, что это и есть образ поколения — образ «человека сороковых годов двадцатого столетия», как подчеркивает автор?

Но, может быть, те, что остались в живых, подадут свой голос за жизнь, за будущее? Ведь для Анички встреча с Акимовым имела более глубокие и важные последствия: она повзрослела, нашла себя, она стала матерью, начала работать, она должна была измениться. Но автора мало интересует эта новая Аничка. Он говорит о ней так: «Она отлично училась, но все ее ученье шло своим чередом, как бы помимо ее существа. Ей казалось, что она находится на гребне волны, которая без усилий с ее стороны держит ее и несет вперед. Эту волну можно было назвать долгом, обязанностью, любовью к Родине, материнской любовью и другими словами, как бы то ни было, эта волна не давала тонуть Аничке... она жила и делала все, что требовалось, для себя, для Катеньки, для отца и для общества, среди которого она существовала, но ей казалось, что это делает не она, а кто-то другой, и в этом тумане она прожила месяцы и годы». Но это же глубоко неверно! Тысячи матерей и вдов всей своей жизнью во время и после войны, всем своим тяжелым опытом горя, одиночества, труда, воспитания детей свидетельствуют против этих холодных, дешевых литературных красот. Какая уж тут «волна», что несет «без усилий»!

В последней, заключительной главке повести мы, к сожалению, уже не находим ни одной строки, ни одной фразы, написанной характерным писательским «почерком» Казакевича. Услышав о том, что фашисты взорвали кладбище в Норвегии, где похоронен был Акимов, Аничка сначала приходит в ужас, ей кажется, что он погиб напрасно. Но, «к счастью, состояние это длилось недолго. Аничка уже многое понимала и могла судить о вещах не только субъективно. Она взяла себя в руки и твердым голосом, успокоившим и удивившим ее отца и генерала Верстовского, сказала, чтобы они не волновались за нее, что она все понимает и ей приятно, что и мертвый Акимов так же страшен врагам, как он был им страшен живой». Язык этого отрывка находится в таком противоречии с его содержанием, что нельзя не удивляться той искусственной бесчувственности, с которой здесь говорится о человеческих чувствах.

Тот стилевой разнобой, та композиционная неслаженность, неспаянность частей, скороговорка, противоречивость образов, небрежность, приблизительность материала, все те художественные недостатки, которые бросаются в глаза при чтении второй части повести «Сердце друга» объясняются, конечно, не тем, что Казакевич просто хуже стал писать. Скорее они свидетельствуют о недостаточно ответственном отношении писателя к своему таланту. Талант — самое драгоценное, что есть у писателя. Писатель должен отвечать за свой талант перед страной, перед народом. С талантом нельзя обращаться легкомысленно. Его надо постоянно и неустанно проверять, как «старое, но грозное оружие».

«Сердце друга»—противоречивая и, несмотря на несколько первых сильно написанных глав, в целом художественно неубедительная повесть, плод необдуманной, ненацеленной мысли, работа неуверенной или слишком самоуверенной руки, что, в конце концов, одно и то же.

Эм. Казакевич. «Сердце друга». Повесть. «Новый мир». № 1. 1953 год.

ровая природа, и своеобразный быт, но главное — новые люди современной колхозной деревни. В Минусинском районе цветут плодоносящие сады. Садоводство стало одной из доходнейших статей колхозов, превратило Минусинский район в своеобразную лабораторию Сибири, в научный центр садоводства на Севере.

Живя в далеком Минусинском районе, скромные советские люди своим упорным трудом добились любви и уважения, стали известными в разных концах страны. За советами к Павлу Сергеевичу Ермолаеву обращаются такие же, как он, энтузиасты с Курильских островов и из Архангельска, из Ивановской области и из Тирасполя. Пишут ему и зарубежные садоводы.

Много светлых чувств и мыслей вызывает хороший очерк о том, как возникла идея составления нового пятилетнего плана в колхозе «За коммунизм», как колхозная партийная организация, сами колхозники, райком партии смело заглядывают в будущее, спорят, ищут пути более быстрого расцвета всей колхозной жизни.

Скучным, хотя и важным по материалу, по-нашему, является очерк «Объединение». Здесь автор не смог преодолеть избытка экономических и агротехнических материалов, утонул в них, не сумел дать художественных обобщений, утерял яркость красок, порой заменив эти неотъемлемые качества художественного очерка перечнем цифр, цитатами из выступлений на собраниях

И тем не менее книга очерков А. Аграновского «Сегодня и завтра»—свидетельство необходимости в очерковых книгах о заводах и колхозах, районах и селах, если жизнь их показана через судьбы людей, если автору удается художественно обобщить явления действительности.

Л. КУДРЕВАТЫХ

РАССКАЗЫ О СТАРОЙ ПОЛЬШЕ

Раненой птицей я буду летать
Низко над стонущей в муках землею,
Чтобы миллионы гонимых судьбою
К сердцу могла я прижать...

Эти строки, принадлежащие перу польской поэтессы Марии Конопницкой (1842—1910), могли бы послужить эпиграфом к сборнику ее рассказов, выпущенному недавно Гослитиздатом (**М. Конопницкая. Рассказы,** Москва. 1952 г., 125 стр.). Со страниц этой небольшой книги слышится стон многострадальной польской земли, горестный голос миллионов гонимых судьбою польских крестьян и городских бедняков.

Но писательница-патриотка не была только «печальницей горя народного», она гневно обличала в своих произведениях поработителей и угнетателей народных масс, напоминала народу, что он кует свою историю «не смиреньем — волей и делами».

Марию Конопницкую знали еще читатели дореволюционной России. Первые рассказы польской писательницы были изданы в русских переводах в 1893 году.

О чем бы ни писала Мария Конопницкая — о мытарствах старушки Банасёвы в одноименном рассказе, о голодной жизни полунищей семьи («Наша кляча»), о похоронах посыльного («В последний путь»), она пишет с горячим сочувствием к беднякам. Вот господа присяжные заседатели со скукой слушают «мужицкое дело» («Со взломом»). Перед ареопагом судей — обвиняемые: несчастные, голодные, запуганные крестьянские дети, которые с помощью деревянной палочки подняли щеколду и проникли в чулан, и это преступление квалифицировано испуганными и алчными собственниками, как кража «со взломом».

«В пустых крестьянских закромах, господа, мыши устраивают гнезда, бабы повымели из углов остатки круп, а квашни давно рассохлись в чуланах». Такова раскрывающаяся в суде правдивая картина жизни в старой польской деревне.

Небольшая книжка **Болеслава Пруса** (1847—1912). (**Рассказы.** Гослитиздат. Москва. 1952 г.) открывается поэтичным и грустным рассказом о даровитом крестьянском мальчике Антеке, резчике по дереву, ищущем работы и знаний, которых он не мог найти у себя в деревне. Трогательно и просто описано детство и отрочество мальчика, и трогательно звучит обращение к читателям: «Подайте этому мальчику руку помощи. Это наш меньшой брат — Антек...». Антек уходит в широкий мир в надежде на добрых людей («Антек»).

Уходит в поисках работы в город добрый и кроткий Михалко. Бездомный, бесприютный, он бродит по Варшаве в страхе перед начальством, и даже когда он совершает подвиг, с риском для жизни спасая придавленного балкой рабочего, он скрывается из опасения, что полиция притянет его к ответу как беспаспортного («Михалко»).

Кончает жизнь самоубийством безработный Якуб, отец пятерых детей («Жилец с чердака»).

Рассказы Марии Конопницкой и Болеслава Пруса с большим интересом прочтут наши читатели, знающие, какие огромные достижения осуществлены сейчас в свободной, демократической Польше. Прочитав эти две небольшие книжки рассказов, наши читатели увидят воочию тяжкое прошлое польского народа и еще раз порадуются тому, что эти написанные рукой блестящих мастеров литературы картины стали, наконец, далеким прошлым и что это прошлое ушло навеки.

Л. НИКУЛИН

ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Армянский поэт **Геворк Эмин** выступил с новой поэмой — **«Шакэ»** (Детгиз, 1952 г., 40 стр.). Тема ее: два детства — детство в странах капитала и в нашей стране.

Эту не новую тему Эмин раскрывает по-новому, рисуя судьбу девочки-армянки, приехавшей вместе с родителями из Бейрута, где она родилась и росла, в Советскую Армению. Сюжет произведения не надуман, а взят из жизни. Судьба Шакэ типична для многих армянских детей, вернувшихся из-за рубежа на свою настоящую родину. Жизненный, построенный на ярком контрасте двух миров сюжет помогает убедительно воплотить замысел произведения.

Какими художественными средствами поэт осуществил свой замысел?

В начале поэмы автор посвящает несколько страниц рассказу о тяжелой жизни ливанских детей, об американском гнете. Рассказывает обстоятельно и довольно длинно.

А в следующей главе дан один краткий эпизод. «Добряк»-американец, сидя в кресле на палубе парохода, развлекается, бросая в море монеты, а дети бедняков, рискуя погибнуть, ныряют за ними.

В первом отрывке представлены, казалось бы, все элементы колониального гнета, и все-таки он куда менее убедителен, чем второй. Почему? Да потому, что первый построен на голом перечислении, решает тему рационально, не художественно. Во втором отрывке рисуется лишь один случай, но он так конкретен, художественно выразителен, что, несмотря на ограниченность материала, дает более полное представление о жизни детей бедняков в Бейруте.

Остановлюсь еще на одном отрывке. Шакэ, попав в Ереван, отправляется с ребятами на прогулку, и тут происходит ее знакомство с новым, непривычным для нее, светлым советским миром. В этом отношении характерна ее встреча с милиционером.

Увидев милиционера, Шакэ говорит:

Быть может, этот строгий сэр
Здесь вроде полисмена?!..
Уж лучше я останусь тут.
Ведь полисмены бедных бьют...

Шакэ хочет убежать, но ребята останавливают девочку, и милиционер приветливо беседует с ней. Этот эпизод задуман убедительно.

В упрек автору стоит поставить растянутость поэмы. Ее можно было бы сократить за счет бледных «перечислительных» отрывков. Ее художественная выразительность только выиграет от этого.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПЛАНЫ ПЕНТАГОНА И ОСТРОВ ТАЙВАНЬ

М. МАРКОВ

Как уже сообщалось в центральной печати, президент США Эйзенхауэр на днях обратился к конгрессу с посланием «О положении страны». В этом послании он изложил программные установки нового правительства по ряду вопросов, в том числе и по вопросу о политике США на Дальнем Востоке. Особенное внимание президент уделил китайскому острову Тайвань, еще в 1950 году оккупированному американскими вооруженными силами. Из президентского послания видно, что США не только продолжат оккупацию острова Тайвань, но и собираются использовать гоминдановские банды для набегов на Китайскую Народную Республику.

Оккупацию китайского о. Тайвань правящие круги США лицемерно называли «нейтрализацией». Банда Чан Кай-ши действовала там под крылышком американского седьмого флота. Новый агрессивный акт именуется «денейтрализацией». Истинный смысл этой «денейтрализации» ясен: американское правительство открыто развязывает руки своей гоминдановской марионетке и прямо приглашает ее совершить нападение на китайский материк. Расшифровывая приказ о «денейтрализации» Тайваня, вашингтонский корреспондент «Таймс» подчеркивает, что США выступят против войск Китайской Народной Республики, если те дадут отпор гоминдановским агрессорам.

Американская интервенция в Корее потерпела провал. Война унесла уже сотни тысяч жизней американских солдат, возложила тяжкое бремя на экономику страны. Здравомыслящие люди в Америке вместе со всем прогрессивным человечеством требуют прекращения этой кровавой и бесплодной авантюры. Но у империалистических правителей США своя логика, логика маньяков: агрессия потерпела провал — расширить агрессию!

Тайвань — одно из важнейших звеньев в цепи агрессивных баз, созданных США на Тихом океане. По откровенному заявлению руководителя американской военной миссии на Тайвани генерал-майора Чейза, этот остров «является прекрасной военно-морской базой; это непотопляемый авианосец, и, чорт побери, вооруженные силы, насчитывающие полмиллиона человек, оснащенные американским оружием и подготовленные Соединенными Штатами, имели бы ценность, сражаясь на нашей стороне». Несмотря на позорный провал вооруженной интервенции в Корее, американские империалисты не отказались от своих агрессивных планов в Азии. И остров Тайвань, отделенный от китайского материка проливом шириной от 120 до 300 километров, представляется им наиболее удобной базой для агрессии против Китая. Кроме того, Тайвань расположен в непосредственной близости от Индо-Китая и других азиатских стран, на которые зарятся американские империалисты.

Правительство Трумэна в 1949 году заключило с Чан Кай-ши секретное соглашение, которое означает фактическую продажу Тайваня США в обмен на военную помощь гоминдановскому охвостью. США вначале пытались скрыть от мирового общественного мнения свои захватнические действия. 5 января 1950 года устами бывшего президента Трумэна было заявлено: «У США нет никаких хищнических замыслов в отношении Формозы (Тайваня) или какой-либо другой китайской территории». США, уверял Трумэн, не собираются ни захватывать Тайвань, ни создавать там свои военные базы, ни оказывать Чан Кай-ши «военную помощь или консультацию».

Однако каждое слово Трумэна было ложью. Спустя всего полгода, на второй день после начала американской интервенции в Корее, США захватили Тайвань.

За время японского господства на Тайвани было построено 52 аэродрома и 2 крупные военно-морские базы, а также и военно-морская база на Пескадорских островах, примыкающих к Тайвани. Однако американские преемники японских оккупантов этим не довольствовались. Они покрыли весь остров густой сетью авиационных баз, из которых крупнейшие находятся в Тайбэе, Тайчжуне, Тайнани, Каньшани, Пинтуне, Синьчжу. Основные американские военно-морские базы размещены в Гаосюне, Тайнани, Цзилуне и Даньшуе.

Однако американские империалисты с самого начала намеревались использовать Тайвань не только как свой военный плацдарм. «Война в Корее,— жаловался с рюмкой в руке на одном из обедов конгрессмен Джозеф Мартин,— выкачивает молодую кровь из нашей страны, доводит чрезмерными налогами до полного истощения американский народ». А вывод? Во-первых: «вооружить в полной мере южнокорейцев»; во-вторых: «вооружить китайских националистов и начать угрожать красным на китайском материке».

Это не просто пожелания подвыпившего воинственного конгрессмена — это практически реализуемая программа Белого дома и Пентагона. Пусть война в Корее выкачивает молодую кровь из стран Азии — таков вкратце смысл «философии» американских торговцев смертью. Азиаты должны взять на себя выполнение агрессивных замыслов американских империалистов в Азии, сняв это бремя с «белого человека». Надежды битых американских стратегов связаны прежде всего с японской армией, восстановление которой давно уже ведется полным ходом. Но одного японского пушечного мяса мало — США замышляют создать «азиатскую армию» агрессии по образцу пресловутой «европейской армии», или, как выразился американский сенатор Уайли, «создать эквивалент НАТО (Северо-атлантического союза) на Дальнем Востоке».

Различные источники определяют численность чанкайшистского воинства на Тайвани весьма различно — от 150 тысяч до 800 тысяч человек. Чаще всего, однако, называют цифру 500 тысяч. Наемники подвергаются усиленной муштре под руководством американских инструкторов. По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», учебный день гоминдановского солдата длится 18 часов. Так называемая американская военная миссия, возглавляемая генерал-майором Чейзом, насчитывает, по официальным данным, 800 человек. В помощь им привлечены японские и гитлеровские военные специалисты. Сотни гоминдановских офицеров проходят специальное обучение в США, на Филиппинах, на Гуаме, не считая тех, которые обучаются в многочисленных военных училищах на Тайвани.

С момента открытого захвата Тайваня в 1950 году правящие круги США затратили на вооружение чанкайшистского отребья свыше полумиллиарда долларов. В настоящее время, по свидетельству американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», расходы США на эти цели достигают миллиона долларов в день. Однако многие оголтелые американские экспансионисты, вроде генерала Ведемейера, сенаторов Ноулэнда, Брюстера и им подобных, требуют дальнейшего увеличения этой суммы!

На днях в Тайбэй прибыл директор управления по вопросам военной помощи при министерстве обороны США генерал-майор Олмстид. Речь идет об увеличении поставок оружия бандам Чан Кай-ши. Агентство Рейтер сообщает, что в ближайшее время янки направят на Тайвань реактивные истребители.

Миссия генерала Олмстида — лишь один из многочисленных фактов самой активной военной подготовки империалистами США своих гоминдановских наемников. Не проходит и месяца, чтобы Тайвань не посетили высокопоставленные представители американской военщины и правящих кругов США.

Так, например, эмиссар Уолл-стрита Томас Дьюи посетил Тайвань в конце 1951 года. Он изложил свои впечатления, как подобает истому бизнесмену, в форме бухгалтерских выкладок. Содержание гоминдановских армий, писал он в журнале «Кольерс», «обойдется менее 100 миллионов долларов в год. Содержание американской армии такой же численности стоило бы в 30—50 раз дороже».

В конце 1952 года крупная оперативная группа тихоокеанского флота США провела в районе Формозского пролива маневры. Командующий тихоокеанским флотом США адмирал Рэдфорд без всякого стеснения назвал их «внушительной демонстрацией американской военно-морской мощи на Тихом океане». А корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс еще более откровенно заявил, что «маневры оперативной группы авианосцев в Формозском проливе представляют собой демонстрацию потенциальных наступательных возможностей у побережья Китая» в соответствии с новой «жесткой политикой» в отношении Китайской Народной Республики.

Многие представители американских правящих кругов не скрывают, что о. Тайвань им нужен для расширения агрессии на Дальнем Востоке, для осуществления захватнических планов в отношении Китайской Народной Республики.

Американские агрессоры, по свидетельству газеты «Нью-Йорк пост», намерены использовать гоминдановцев в «качестве диверсионной силы, которая, предпринимая отдельные операции на побережье Центрального Китая, могла бы отвлечь силы с Корейского полуострова», а также для того, чтобы «активизировать союзные войска в Индо-Китае и оказать нажим на южный фланг коммунистов».

Не случайно в январе нынешнего года, когда Ли Сын Ман был вызван в Токио командующим войсками США на Дальнем Востоке генералом Кларком, почти одновременно в ставку Кларка вызвали и чанкайшистского министра иностранных дел Джорджа Е. Последний отбыл обратно в Тайбэй с подробными инструкциями относительно той роли, которая отводится о. Тайвань в новейших американских планах расширения войны на Дальнем Востоке. «В общих чертах картину того, что намечается, — писал о планах Вашингтона американский обозреватель М. Чайлдс,— можно нарисовать следующим образом: координация борьбы в Корее и Индо-Китае при использовании в этой борьбе китайских националистов» (т. е. гоминдановцев. — **М. М.**). Использование гоминдановских наемников должно, по расчетам Пентагона, облегчить участь американских интервентов, терпящих поражение в Корее, и французских колонизаторов, находящихся не в лучшем положении во Вьетнаме. Еще в декабре прошлого года херстовская печать выболтала, что интенсивные военные приготовления чанкайшистских войск и постоянное циркулирование американских «военных шишек» между Тайбэем, с одной стороны, и Токио и Вашингтоном, с другой, надо понимать, как предвестник возможных «военных операций против китайского материка».

Теперь миллионы американцев, отдавшие свои голоса республиканской партии, видят, что первые шаги нового правительства США явно противоречат предвыборным обещаниям республиканцев: они направлены не на установление мира, а на расширение войны на Дальнем Востоке.

Что же касается откликов на «денейтрализацию» о. Тайвань на международной арене, то здесь дело обстоит совсем не так, как рассчитывали в Вашингтоне. Разрекламированная реакционной печатью «более жесткая» политика республиканского правительства отнюдь не «вдохнула мужество» в ряды союзников США. Наоборот, противоречия между американскими империалистами и их «младшими партнерами», и прежде всего Англией, еще более обострились.

Авантюристический акт вашингтонских правителей вызвал настоящий взрыв возмущения в английском народе. Отражая это возмущение, многие общественные деятели организации и органы печати призывают правительство предпринять практические шаги, чтобы воспрепятствовать осуществлению замыслов Вашингтона. Так, английская газета «Дейли миррор» пишет, что решение относительно о. Тайвань «вновь возродило страшное пугало — расширение войны», а консервативный еженедельник «Спектейтор» прямо заявляет, что это решение «не может не оказать неблагоприятного влияния на англо-американские отношения». Печать сообщает, что английское правительство дало указание своему посольству в Вашингтоне заявить протест против этого решения, принятого без консультаций с союзниками. Как было официально заявлено в палате общин, это одностороннее решение американского правительства «может привести к неприятным политическим последствиям».

Американские планы расширения агрессии на Дальнем Востоке вызвали возмущение в странах Азии. Так, филиппинский сенатор Ректо заявил, что решение об использовании о. Тайвань для нападения на Китай подтверждает тот факт, что США хотят «заставить азиатов бороться против самих же азиатов».

Политика превращения о. Тайвань в военный плацдарм американских интервентов и их гоминдановских наемников наталкивается на все возрастающее сопротивление со стороны населения самого острова. Недаром печать США вынуждена признать, что власть Чан Кай-ши и его клики поддерживается на Тайвани лишь с помощью самого свирепого фашистского террора. Всякие проявления недовольства населения беспощадно подавляются гоминдановской охранкой. «Никто... не станет утверждать, что здесь развевается знамя демократии»,— иронически пишет о находящемся в лапах империалистов США и их гоминдановских подручных о. Тайвань журнал «Нью рипаблик». «В предрассветном молчании,— сообщает тайбэйский корреспондент английской газеты «Дейли грэфик», — далекие отзвуки выстрелов доносятся до города с заброшенного ипподрома». Это расстреливают «неблагонадежных»...

Китайский народ, усиливающий свою борьбу против американской агрессии и за оказание помощи Корее, сохраняет непоколебимое спокойствие перед лицом провокаций и угроз заокеанских поджигателей войны. От имени 500-миллионного Китая председатель Мао Цзэ-дун на заключительном заседании четвертой сессии Всекитайского Комитета Народного политического консультативного совета заявил: «Мы хотим мира. Однако, пока американский империализм не откажется от своих высокомерных и необоснованных требований и от своего плана расширить агрессию, единственным решением китайского народа должно быть продолжение борьбы вместе с корейским народом. Это не значит, что нам нравится война. Нам бы хотелось немедленно прекратить войну и оставить неразрешенные вопросы для урегулирования впоследствии. Однако американский империализм предпочитает не делать этого. Что ж, тогда будем продолжать борьбу. Сколько бы лет американский империализм ни намерен был вести войну, мы готовы бороться с ним, бороться до тех пор, пока американский империализм не пойдет на попятную, до тех пор, пока китайский и корейский народы не добьются полной победы».

Американские империалисты, хозяйничающие на острове Тайвань (Формоза), где нашла убежище преступная клика Чан Кай-ши, вооружают и обучают гоминдановские банды. На фото — **руководитель американской военной миссии на Тайвани генерал-майор Уильям К. Чейз инспектирует вновь сформированные части чанкайшистской армии.**

Снимок из иллюстрированного приложения к американской газете «Чикаго трибюн»

ГОЛОД В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Американский военный грузовик привез на свалку мусор: консервные банки с прилипшими внутри остатками мяса, кости, гнилые корки... Толпа оборванных, изможденных детей мгновенно обступила грузовик и накинулась на эти отбросы в поисках каких-либо объедков, которыми можно было бы утолить жгучий голод...

Этот фотоснимок **(вверху справа)** недавно поместила американская прогрессивная газета «Пиплс уорлд». Голод свирепствует в Южной Корее — стране, стонущей под игом американской оккупации, дотла разоренной войной, американскими мародерами и их лисынмановскими прихвостнями.

Вот вторая фотография **(в центре)** из американского журнала «Юнайтед Нэйшнс уорлд». Этот малыш с недетским от переносимых страданий выражением лица — один из многих десятков тысяч таких же бездомных сирот, жертв войны. Они скитаются по улицам Сеула, Пусана и других южнокорейских городов в поисках пищи и угла, где бы можно было укрыться от холода. Десятки и сотни из них умирают каждый день.

Ужасающих размеров, которые принял сейчас голод в Южной Корее, не в силах скрыть даже реакционная пресса Америки.

Вот еще один снимок, помещенный газетой «Нью-Йорк таймс». **«Зима в Сеуле: лица выражают трагедию голода»,**— гласит заголовок над ним. На фотографии **(внизу слева)** — старая кореянка, получающая горшок жидкого рисового супа, за которым она вместе с тысячами других голодающих стояла в очереди с самого раннего утра.

Южнокорейское население вынуждено жить ныне подачками «благотворительных» организаций, создаваемых в целях лицемерной саморекламы американскими

оккупантами, разграбившими страну, или же отбросами со стола солдат-янки.

Еще в конце весны прошлого года американская газета «Чикаго трибюн» писала, что «в юго-западной Корее около миллиона людей питаются в настоящее время корнями травы и древесной корой». С наступлением зимы голод принял катастрофический характер. В особенно тяжелом положении находится население Сеула. По сообщению корреспондента «Нью-Йорк таймс» Макгрегора, этой зимой голод в Сеуле является «самым острым с начала корейской войны». Сеульские власти в ноябре 1952 года предупреждали о «неизбежной большой смертности населения до весны будущего года, что явится косвенным результатом недоедания». Тысячи людей в Сеуле, пишет корреспондент, «едят не каждый день и... пища многих людей состоит немногим более, чем из одной горстки риса в день».

Голод в Южной Корее — неизбежное следствие американской оккупации. Подчинив экономику южной части страны целям агрессивной войны, американские оккупанты и их лисынмановские марионетки совершенно развалили сельское хозяйство Южной Кореи. По грабительскому закону о «земельной реформе», изданному лисынмановским «правительством», крестьяне обязаны сдавать властям свыше 80 процентов урожая. Зерно, сдаваемое крестьянами, клика лисынмановцев продает потом по спекулятивным ценам и наживает огромные барыши. В этих темных махинациях самое активное участие принимает «президент» Ли Сын Ман. Много продовольствия вывозят американские интервенты, ничуть не считающиеся с тем, что население страны голодает. По сообщению южнокорейской газеты «Кукче ньюс», только в 1951 году американские власти вывезли из Южной Кореи в Японию 760 тысяч сек риса (сек — 160 килограммов).

Американская буржуазная печать признает в последнее время, что в стране все более широкий размах принимает партизанская борьба. Население Южной Кореи не хочет терпеть ужасы американской оккупации!

ДЕТОУБИЙЦЫ

Наша машина, обогнув подножье сопки, миновала пепелище деревушки Кесанри и вырвалась в широкую долину, над которой только что пролетели американские штурмовики. На дороге встретился вол, впряженный в небольшую тележку с удобрениями. Из правого бока животного течет кровь, мутные глаза его смотрят на двенадцатилетнего мальчугана в серой куртке, распростершегося на большаке.

Залитая кровью рука мальчика упала на голубоватую бумажку, которыми американские самолеты усеяли почти весь уезд Чончжу. Это была листовка № 1172 службы информации и пропаганды 8-й американской армии в Корее. На бумажке — изображение голубого флага ООН. Кровь ребенка залила флаг и издевательские слова под ним о «миролюбии» американских убийц, прикрывающихся именем ООН.

Голубой флаг ООН и залитая детской кровью листовка № 1172 не выходили из головы на всем нашем пути в село Пусанри, волости Кодон, уезда Чончжу. Село расположено у подножья высокой сопки. Поля крестьян были покрыты многочисленными воронками. Показывая на рытвины, пожилой крестьянин Пак Хи Вон сказал:

— Каждый день проклятые «мигукномы» «американцы» обстреливают наши села, наши поля. Днем и ночью сбрасывают бомбы. Ежедневно хороним мы своих близких — детей, матерей, отцов. Дети гибнут не только от пуль и бомб. Вот здесь лежит мой сын,— и Пак Хи Вон показал на небольшой холмик земли с белым деревянным столбиком. На нем было выведено: «Пак Иль Тон».— Иль Тон по-нашему, по-корейски, «добрый мальчик». Так я назвал сына. Американцы убили его...

— Мы с женой работали в поле,— рассказывал глухим голосом Пак Хи Вон.— Малыш Иль Тон бегал по нондурон (высокой земляной насыпи, окаймляющей квадрат рисового поля) и вдруг закричал нам: «Манённхиль, манённхиль!» — «Автоматическая ручка, автоматическая ручка!» И почти сейчас же раздался взрыв.

Когда старый Пак подбежал, сын лежал, обливаясь кровью. Его живот и грудь пробили осколки взорвавшейся ручки.

— Так погиб мой сын,— горестно качал головой крестьянин.— Он еще не знал, что есть двуногие звери, убивающие детей минами в виде авторучек или часов, раскрашенных мячиков или пестро размалеванных железных коробочек.

В самом деле, чье, как не детское, внимание могут привлечь авторучка, яркий мячик или коробка, которые с начала нового года снова разбрасывают на дорогах, полях и в селах американские бандиты? Делается это с обдуманным, холодным расчетом на убийство детей замаскированными под игрушки минами.

Так была погублена и маленькая Кван Силь. Она хотела раскрыть коробочку, подобранную на дороге, и погибла.

Школьница О Гын Сун шла со своим братом по улице и нечаянно толкнула ногой красно-синий мячик. Мячик взорвался.

В селе, недалеко от Пусанри, девушки нашли в поле несколько пинэ — стеклянных шпилек для скрепления волос на голове. Медно-красные, серебристые, золотистые, они поблескивали на солнце. Девушки подняли их. Это были тоже мины, сброшенные с самолетов...

Листовка № 1172 с флагом ООН... На ней фотографии: американец в военной форме дарит корейским ребятам бейзбольные мячи, янки примеряет ребенку ботинки... Так они лгут под флагом ООН. Свыше пятисот мин, изготовленных в виде детских игрушек и т. п., было обнаружено в уезде Чончжу в первые дни января. В соседнем уезде Пакчхон только за пять дней, с десятого по пятнадцатое января, американские самолеты сбросили больше тысячи таких мин.

Детоубийцам не уйти от сурового ответа.

Виталий ЛАТОВ

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ, февраль

Взрыв бомбы на территории Миссии СССР в Израиле

Как сообщает ТАСС, 9 февраля злоумышленниками при явном попустительстве полиции был совершен террористический акт, направленный против Советской Миссии в Израиле. В этот день в 22 часа 35 минут на территории Миссии СССР преступниками был произведен взрыв бомбы, в результате которого были ранены жена посланника К. В. Ершова, жена сотрудника Миссии А. П. Сысоева и сотрудник Миссии И. Г. Гришин. Часть здания Миссии была разрушена.

Следует отметить, что этому гнусному преступлению предшествовала разнузданная клеветническая кампания против Советского Союза при участии официальных лиц Израиля, открыто подстрекавших к враждебным действиям против Советского Союза и дипломатической Миссии СССР в Израиле.

По страницам печати

«Сабад неп» — Венгрия
«Женьминьжибао» — Китай

ОБЛИК БУДАПЕШТА

Восемь лет тому назад, 13 февраля 1945 года, Советская Армия вырвала столицу Венгрии, город Будапешт, из мрака многолетней фашистской ночи.

Гитлеровцы и их хортистские сообщники пытались любой ценой удержаться в Будапеште. Они творили в городе чудовищные преступления, убивали мирных жителей, жгли городские здания, взорвали чудесные мосты через Дунай...

Воины Советской Армии, после шести недель упорных сражений за каждую улицу, за каждый дом, спасли жителям Будапешта жизнь, принесли свободу и мир.

Советские воины соединили разорванный надвое город — они построили первый мост через Дунай.

25 февраля, после прибытия из Дебрецена временного национального правительства, жители Будапешта собрались в Шпортчарнок — Спортивный зал — на первый, созванный коммунистической партией митинг. Митинг проходил под лозунгом борьбы за демократические реформы и восстановление страны. Отвечая на призыв компартии, трудовой народ приступил к созидательному труду. Советские воины помогали восстанавливать важнейшие заводы Будапешта. Советский Союз снабдил их сырьем и топливом, дал городу перв[ые] транспортные средства...

Прошло восемь лет. Давно поднялись над Дунаем красавцы-мосты. Встали из развалин еще более могучими старые будапештские заводы и фабрики рядом с новыми современными предприятиями. Будапешт стал важнейшим центром машиностроения. Газета **«Сабад неп»** указывает, что последовательная советская политика защиты и укрепления национальной независимости Венгрии сказалась и в том, что венгерская промышленность освоила

«производство таких видов продукции, серийный выпуск которых раньше в Венгрии не был налажен. Создано венгерское машиностроение. Начался серийный выпуск вагонов совершенно нового типа и морских пароходов».

Все больше судов сходит со стапелей в будапештских заливах Дуная, все больше совершенных станков, автомобилей и других машин производит будапештский комбинат имени М. Ракоши.

На новой красивейшей площади венгерской столицы трудящиеся воздвигли монумент товарища И. В. Сталина в знак безграничной любви и вечной благодарности своему освободителю и спасителю.

На месте мрачных и грязных рабочих окраин стоят ныне новые жилые дома, здания школ, домов культуры, магазинов и кинотеатров. В разгаре строительство будапештского метрополитена.

Столица Венгрии, уверенно идущей по социалистическому пути, продолжает расти и хорошеть.

ПОЧТА ОБРАЗЦОВОГО ХЛОПКОВОДА

«Из далекой Фуцзяни, Цзянси, Шэньси и всех уездов Южной Шаньси,— пишет «Женьминьжибао»,— получает Цюй Яо-ли сердечные письма. Ему сообщают о своих успехах, обращаются за советом...»

Цюй Яо-ли — житель округа Юньчен Южной Шаньси — образцовый хлопковод. Добившись в 1951 году сбора 912 цзиней хлопка с каждого му*, он увлек своим примером сотни тысяч крестьян всей страны, которые соревновались в 1952 году за сбор тысячи цзиней белого золота с каждого му. В результате сбор хлопка в прошлом году превысил на 55 процентов довоенные урожаи, страна избавилась от импорта сырья для отечественной текстильной промышленности.

Цюй Яо-ли неутомимо продолжает совершенствовать свой опыт и передавать его другим.

«Лишь с лета по октябрь 1952 года,— сообщает газета,— Цюй Яо-ли посетили 1470 человек. Кроме того, на 14 собеседованиях, устроенных отличным хлопководом, участвовало более 2000 человек. Устраивались также доклады Цюй Яо-ли и выставка его достижений. В округе Юньчен более миллиона крестьян изучало замечательный опыт своего земляка».

* Цзинь равен 600 граммам, 1 му — 1/16 гектара.

Президиум Союза советских писателей СССР с прискорбием извещает о смерти писателя, члена КПСС

Сергея Михайловича БЕЛЯЕВА

и выражает соболезнование семье покойного.

Вынос гроба из квартиры (ул. Фрунзе, д. 15, кв. 2) в четверг, 12 февраля, в 3 часа дня.

Похороны на Ваганьковском кладбище.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01212.